

НАТАЛЬЯ ФИЛИМОНОВА

СТАВЬ
НА ЕДИНОРОГА

Наталья Филимонова

Ставь на единорога

<https://litres.ru/74379357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я умирала дважды.

В своей первой жизни я была счастлива. И это привело меня к катастрофе, а мой мир – на край гибели. Но я вернулась в прошлое, чтобы начать все с начала.

В своей второй жизни я была несчастна. И это снова привело меня к катастрофе.

Я вернулась еще раз. У меня есть третий, последний шанс. Я испробовала уже все разумные и правильные пути. И теперь осталось только сделать безумный, невозможный выбор – и надеяться на чудо. Это как прийти на скачки и поставить на придуманного единорога. Только ставка в этих скачках – моя жизнь. И мой мир.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	31
Глава четвертая	45
Глава пятая	58
Глава шестая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Наталья Филимонова

Ставь на единорога

Глава первая

На этот раз я должна была умереть окончательно. Серьезно, и вторая-то попытка дается не всем, а уж третья... про такое в моей семье не сохранилось даже легенд.

Но я почему-то вернулась.

Опять.

Картинка перед глазами сменилась мгновенно – кажется, я даже не успела моргнуть. Только что я стояла у своего окна и с каким-то уже отстраненным ужасом наблюдала, как невыносимо-медленно – хотя я точно знала, что это занимает доли секунды – расползается по городу “паутина”. Как серой пылью оседают дома, осыпаются стены, разлетаются облаками в небе дирижабли, как в ту же пыль обращаются не успевающие ничего понять прохожие. Как паутина подползает все ближе. И еще ближе. Как медленно осыпается стена и окно перед моими глазами. Как тонкая нить осторожно, будто даже ласково прикасается к моим пальцам. А потом...

А потом – словно сменился кадр в синематографе, и я пошатнулась, схватившись за подоконник. Передо мной по-

прежнему было окно, но совсем другое. И за ним – не пепельная пустыня, в которую обратились башни и стены города, а пышные цветущие кусты и дорожки.

Я на секунду зажмурилась, давая себе время привыкнуть к яркому свету. И к тому, что я жива.

Над горизонтом, тяжело взмахивая крыльями, пролетела рейсовая черепаха. Пятнадцать-двадцать лет спустя над городом их почти не останется. Дирижабли куда быстрее и маневреннее.

Скользнула взглядом по стеклу, ловя свое отражение. Со всем юное тонкое лицо. Волосы до плеч собраны в небрежный пучок – такую прическу я носила, кажется, в студенчестве... нет. Немногим позже, когда начала преподавать и только занялась собственными исследованиями.

Быть не может. Но...

Ни единого кольца на тонких пальцах.

Тяжело оперлась на подоконник и сделала глубокий вдох, все еще пытаюсь осознать произошедшее.

Итак, я снова умерла и снова вернулась в прошлое. Вопреки всему, что знала и на что могла надеяться. В этот раз я могу гордиться по крайней мере тем, что “паутину”, которая все уничтожит, создала не я... так себе повод для гордости, если честно.

Но если я вернулась, это значит, что я все еще могу что-то изменить. И значит, прежде всего нужно понять, где я. Или вернее будет спросить “когда я”?

Сад за окном... нет, сквер! Сквер при университете. Выходит, я вернулась в тот же самый момент – уже второй раз. И значит, сейчас...

Я успела обернуться еще до того, как дверь пустой аудитории за моей спиной открылась.

И почувствовала, как губы сами собой разъезжаются в счастливой улыбке – живой!

– Марек... – это я выдохнула едва слышно – и в последнюю секунду с трудом удержала себя, чтобы не броситься с визгом ему на шею.

Светловолосый парень – нет, молодой мужчина! – в мундире, вошедший в аудиторию, с порога окинул меня оценивающим взглядом и едва не закатил глаза на мой очевидный восторг. Примерно так выглядят, наверное, звезды сцены, наткнувшись в любимом кафе на очередную стайку восторженных поклонниц, мечтающих о благосклонном взгляде кумира.

Что ж... Марек и есть звезда. Разве что не сцены. И восторженных поклонниц у него всегда хватало.

А еще – он меня не узнал. Снова. И на этот раз я все-таки удержалась.

Когда это произошло впервые – я в самом деле была счастлива увидеть наконец друга детства. Я-то и тогда узнала его мгновенно, и ни секунды не сомневалась. И на шею ему, кстати, кинулась. Потом он уверял еще, что, конечно же, тоже вспомнил сразу, просто решил пошутить.

Во второй раз – как и сейчас – не узнать его у меня просто не было шансов. Все-таки столько лет в браке. И я тогда, в точности как и сейчас, была просто безумно счастлива видеть его – живым.

Но в этот раз будто что-то остановило меня. Дар уже во второй раз возвращает меня именно в этот момент – момент нашей первой взрослой встречи и второго знакомства. Где-то я должна изменить что-то очень важное, чтобы все пошло по другому пути. В прошлый раз я думала, что дело в моей специализации, в выборе темы исследований, начале работы. И да, все это тоже предстоит совсем скоро. Но... почему именно этот момент?

Кажется, мне нужна пауза. Я должна подумать.

Хотя прямо сейчас пауза затягивалась. Похоже, Марека слегка опешил из-за перемены выражений на моем лице.

– Простите. Я приняла вас за своего знакомого, – сухо каркнула я.

Лицо Марека слегка вытянулось.

– Вы...

– Простите, – повторила, уже не глядя на него. – Я должна идти.

Подхватила с подоконника какую-то папку и стремительно вышла из аудитории, проскользнув мимо Марека. Парень так и стоял в дверях, недоуменно глядя мне вслед. Что ему вообще там понадобилось? Искал кого-то?

...А мне? Этот день повторялся уже дважды, но так мно-

го лет назад, что вспомнить все детали теперь просто невозможно.

Папка... ах да! Я собиралась подавать документы на соискание докторской степени, принесла свои наработки и планы. Так волновалась, что пришла раньше времени – декана не было еще на месте, и секретарь просила подождать. А у меня не оказалось сил сидеть в приемной, я принялась мерить шагами коридор, заглянула зачем-то в пустую аудиторию... может, услышала какой-то шум с улицы и решила выглянуть в окно? Таких мелочей уже точно не раскопать в памяти.

Быстрым шагом я прошла по коридору, завернула за угол и остановилась у двери приемной, прижимая свою папку к груди.

Когда-то – безумно, невероятно давно! – я уже вошла в эту дверь. Подала документы, заявила свою тему. Потом преподавала и вела исследования. Это было, пожалуй, лучшее время в моей жизни – во всех жизнях!

Конечно, я защитилась, получила свою степень. А еще – сделала одно из величайших открытий в истории теоретической магии. Собрала все мыслимые и немыслимые научные премии мира. Ездила с лекциями по университетам разных стран. Мир изменился – благодаря мне. Магия никогда еще не была так доступна каждому. Магическое освещение на городских улицах, безопасные и быстрые летательные аппараты, даже светильники вместо масляных ламп в самых бед-

ных домах – это все я. Мне было чем гордиться, и за спиной будто росли крылья.

И Марек всегда был рядом. Всегда поддерживал. Это был удивительно счастливый брак.

А потом все рухнуло в один миг. Я не знаю, был ли уничтожен только мой город – или весь мир. Все, кого я любила, погибли точно. И я тоже.

Черная “паутина” – это тоже я. Пусть не я лично собрала эту демонскую установку, но она была создана на базе моих исследований. И, значит, это я была виновата во всем.

К счастью для этого мира, у моей семьи есть тайна – дар, просыпающийся время от времени в потомках рода. В случае несвоевременной смерти он возвращает своего обладателя в прошлое – в тот момент, откуда еще можно повернуть в другую сторону и все изменить.

Иногда это может быть пять минут – например, чтобы не сесть в дилижанс, который перевернется на соседней улице. А иногда целая жизнь – если цепочка событий, которая привела к смерти, началась давным-давно.

Тогда, вернувшись в прошлое в первый раз, я едва не сошла с ума от боли и чувства вины. Все мои мечты, амбиции, моя работа – все, что делало меня счастливой, – привело к катастрофе. Я считала, что теперь просто не имею права заниматься наукой. Пусть мое открытие никогда не будет сделано. Пусть будут черепахи, масляные лампы. Пусть... зато не будет и “паутины”. Все останутся живы.

Все, что у меня оставалось, – это Марек. Я решила, что буду скромной домохозяйкой, отличной женой... может быть, мне просто так хотелось наказать себя.

Почему-то в этот раз наш брак вышел... не таким счастливым. Наверное, все дело во мне, и я просто считала, что не заслуживаю счастья – даже такого.

И да, без меня научно-магический прогресс пошел куда медленнее. Вот только... оказалось, от него все равно никуда не деться. Говорят, идеи витают в воздухе, и являются на свет, когда приходит их время. И в конце концов – пусть позже, пусть люди продолжали пользоваться проклятыми масляными лампами – но “паутина” почему-то все равно появилась. И снова начала пожирать мир именно с моего города.

А значит, дело было не во мне... или не только во мне. Раз я опять вернулась – значит, все-таки я могу что-то изменить. Просто дело, как ни странно, вовсе не в моей работе. Я неверно приняла какое-то другое решение.

– А-а, кэри Морриш! – добродушно поприветствовал меня, приближаясь по коридору, сухощавый старик в пенсне и с седыми бакенбардами, одетый в старомодный долгополый сюртук и полосатые брюки. Наш замечательный декан, он тоже погибнет... – Пришли наконец со своей темой? Прошу, прошу...

– Ясного дня, кэр Вуйчик! – я чуть попятилась. – Я... простите! Мне надо еще кое-что перепроверить. Осенило...

Я виновато опустила голову.

– Что ж... проверяйте, кэри Морриш, проверяйте... смотрите, не затягивайте! – он постарался придать голосу строгости. – У вас не больше пары дней!

– Конечно! Спасибо! Простите! – мелко закивав, я еще отступила, продолжая прижимать к себе папку так, будто ее кто-то пытался отнять.

И уже собралась было ретироваться, однако кэр Вуйчик, как оказалось, не закончил разговор.

– Да, и вы приняли решение по поводу стажировки на островах?

Я замерла, разом оцепенев.

Стажировка! Вот оно! А что, если это оно – то самое решение?

Окончив магистратуру, я сразу начала преподавать, собирая материалы для докторской. А потом мне предложили пройти стажировку в университете на далеких Алесских островах. Это было престижно, многообещающе, это могло дать неплохой старт моей дальнейшей научной карьере.

Но я тогда отказалась – не хотелось бросать свои наработки, менять научного руководителя, да и руки горели начать полноценную работу над новым проектом, а в чужой стране и новом коллективе пришлось бы тратить время и силы на адаптацию...

А вдруг все дело в этом? Что если, уехав на острова, я по какой-то причине там бы и осталась? Мой дар возвращает туда, откуда я еще могу избежать собственной смерти... но

никто не обещал, что с этой же точки я могу спасти мир или своих близких. Или хотя бы свой город.

“Паутина”, расплзаясь, потенциально могла уничтожить весь континент. Но большие массивы воды вполне могли бы остановить или как минимум существенно замедлить или ослабить ее. Этого я не знаю – не проводила таких опытов – но версия выглядит не лишенной смысла. Свободная магия над океаном более разрежена. Да, острова могут и уцелеть. А значит, вполне возможно, если я уеду, катастрофа все-таки случится – просто я при этом выживу.

Я почувствовала, как кожа покрывается ледяными мурашками.

Нет!

– Приняла, – я решительно подняла голову. – Я не могу сейчас поехать на острова.

Как бы там ни сложилось дальше – я попробую еще раз. Пусть даже эта попытка – последняя.

*

По городу я шла широким размашистым шагом. Еще в первой жизни так привыкла – тогда я много путешествовала и предпочитала носить брюки... сейчас они, кажется, еще даже не начали входить в моду. Что ж, буду одной из первых.

...И в первой жизни Мареку это нравилось. А во второй он почему-то упрекал меня в недостатке женственности. Но... тот Марек, наверное, тоже погиб, а смерть списывает

все обиды. Здесь и сейчас он меня даже еще не узнал.

Ловить кэб не хотелось. Да и какой-то определенной цели у этой прогулки не было. Нужно было... наверное, прийти в себя и подумать.

Итак... в этот день произошло три судьбоносных события. Я заново познакомилась с Марекком. Я заявила тему своей диссертации и направление исследований. И отказалась от стажировки.

Стажировку исключаем. Даже если этот вариант верный, я не выберу его.

Отказаться от исследований я уже пробовала. Остается... Марек? Но причем тут мой муж? Будущий... или сейчас бывший? Причем дважды.

На самом деле с Марекком мы познакомились в детстве – наши семьи жили в соседних домах, и я таскалась за мальчишкой по пятам, еще тогда по-детски в него влюбившись. Он важничал, называл меня “малявкой”, но моя восторженная преданность ему явно льстила.

А потом его семья переехала, мы потеряли связь и не виделись много лет. И встретились только... вот только что.

Нет, мое замужество здесь точно ни при чем. И мы, конечно, будем еще вместе – мы связаны на всех витках времени. Просто... сейчас, пожалуй, не время думать о личной жизни. Я должна найти тот путь, который не приведет в конце концов к катастрофе, и для этого мне нужна холодная голова. А Марек... никуда он от меня не денется.

Вот только где искать этот самый путь? Я испробовала уже, кажется, все, что могло казаться разумным, логичным и правильным.

Может, кто-то из предков уже сталкивался с такими развилками? Нет, двух возвращений подряд точно ни у кого еще не было. Но... покопаться в семейных архивах все равно будет не лишним. И поговорить с папой. Время у меня еще есть – все судьбоносные решения я пока отложила.

Определившись наконец, я резко повернула – теперь у меня была вполне четкая цель. Конечно, можно было забежать в свою квартиру, переодеться, оставить бумаги, но хотелось действовать немедленно, хоть что-то делать.

Родители жили в небольшом пригороде, три часа на дилижансе или полтора – по воздуху. Стоит поторопиться к аэровокзалу, чтобы успеть на утренний рейс.

Архивы в моей семье всегда хранили очень тщательно. И детей обязательно приучали не только внимательно следить за текущими новостями, но и запоминать их, порой заучивая наизусть. Где открыли новую шахту, какая торговая компания принесла самую большую прибыль, кто победил на больших скачках...

Эту традицию ввел мой далекий пра-пра-прадед Матеуш Морриш. Пожалуй, до меня у него был самый большой срок возвращения. Будучи еще совсем ребенком, он однажды на спор забрался на высокую стену, упал с нее и сломал позвоночник. Медикусы спасли ему жизнь, но вот на ноги он так и

не встал. В те времена еще не было даже удобных колесных кресел для увечных, и большую часть времени он проводил в постели. Много лет. Всю жизнь. Иных развлечений, кроме чтения книг и газет, у Матеуша не было. А нерадивая сиделка иногда, оставив ему газету, уходила надолго, так что он перечитывал и перечитывал одни и те же заметки по кругу. От скуки завел тетрадь, где вел хроники событий в мире, и перечитывал и ее тоже.

К старости в его голове помещалось, пожалуй, больше фактов и событий, чем у любого ученого.

А потом в доме случился пожар – и деда Матеуша не успели вынести. Он погиб раньше своего срока – и вернулся.

Причем не к началу пожара – калека, прикованный к постели, все равно не смог бы предотвратить беду. Он вернулся в собственное детство – в тот день, когда забрался на стену. И отказался от спора.

И прожил целую вторую жизнь – на этот раз длинную и увлекательную. И пожара на сей раз так и не случилось, потому что семья жила уже в совсем другом доме. А еще именно благодаря Матеушу наша семья стала одной из самых богатых и влиятельных в стране. Он точно знал, на что делать ставки. В какие компании вкладываться. От чего подстраховаться. Какую беду и как предотвратить. С кем стоит дружить, а от кого держаться подальше. Какой неоценимый совет дать сильным мира сего...

Задумавшись, я едва замечала, где иду. И почти налетела

на незнакомца, вышедшего из-за угла.

– Простите! – вышло ужасно неловко: я едва не уткнулась носом мужчине в подбородок. Извинившись, попыталась тут же, не глядя, обогнуть его.

Однако незнакомец, кажется, тоже не отличался особой вежливостью.

– Куда так торопишься, красавица? – он белозубо улыбнулся, и не думая уступать мне дорогу. – Сбежала с лекций на свидание?

Я фыркнула, невольно поднимая глаза. Да, в университете меня тоже постоянно принимают за студентку – и это порождает массу неловких и неприятных ситуаций.

Мужчина был высоким. Я вообще-то тоже совсем не маленькая для женщины, но он возвышался надо мной как минимум на полголовы. Светло-русый, загорелый, с крепкими широкими плечами, в кожаном жилете поверх рубашки с закатанными до локтей рукавами. На голове сдвинутые на макушку гогглы – похоже, артефактные. Значит, маг. Ворот рубашки небрежно распахнут, а шейный платок попросту отсутствует.

Я скользнула взглядом в ту сторону, откуда он появился – ну разумеется. Квартал мастеров. Один из этих рукодельников, собирающих кустарные артефакты из чего попало без всякой научной базы, да еще механизмы, якобы способные вообще заменить магию. Даже почудилось, что от мужчины чуточку тянет машинным маслом.

– Позвольте пройти, – холодно откликнулась я.

– Какая строгая пичужка, – как-то тепло усмехнулся он.

Вздвогнув, я подняла взгляд – и встретила с ним взглядами.

У него разные глаза. Один зеленый, другой – желто-карий.

И я знаю эти глаза.

Просто когда я видела его, он был старше. И раньше я не догадывалась, откуда взялся этот человек.

А вот разные глаза врезались в память.

Надо же... а я-то так гордилась собой. Гений поколения, удивительное открытие... каких только восхвалений я не слышала в свой адрес в первой жизни.

А оказывается, мое открытие почти смог повторить какой-то самоучка из Квартала мастеров.

Вот кто создал “паутину” во второй раз.

Глава вторая

Наверное, этот тип вслед за Марексом счел меня сумасшедшей или кем-то вроде того. Не каждый день тебя разглядывают с таким сложным выражением лица, а потом едва ли не сбегают, не удосужившись даже вежливо попрощаться.

Впрочем, все равно. С этим кэрмом я уж точно не намерена поддерживать светских отношений. Да и каких бы то ни было. В первой жизни я о нем ничего не слышала, а во второй – видела лишь однажды мельком. Просто разные глаза – это то, что сложно забыть. И я знала о нем лишь то, что Дорин Сабо руководил тем самым проектом.

И да, в те будущие времена он выглядел куда приличнее – даже вполне можно было принять за достойного человека. Сейчас мастер в нем безошибочно опознается с первого взгляда – по загару, небрежной одежде, множеству явно несертифицированных артефактов. И по этому уж слишком вольному поведению, разумеется. Вся эта публика едва ли что-то слышала о приличиях и манерах.

Значит, в этот раз о нем снова никто ничего не услышит. Потому что я больше не собираюсь бросать свою работу... и предоставлять возможность делать ее необразованным дилетантам. Надо только найти способ не позволить никому использовать мои наработки во зло.

А Дорин Сабо останется просто никому не известным мастером. Одним из тысяч.

На рейс я из-за этого столкновения едва не опоздала – примчалась к вокзалу в последний момент, на ходу отсчитывая монеты за билет, а на посадочную площадку взбежала, перепрыгивая через ступеньки. Черепаха, сложив крылья, меланхолично что-то жевала. Приставную лесенку для пассажиров уже собирались убирать от панциря.

– Позвольте! – я чуть не снесла служку и так решительно вскочила на первую ступеньку, что колеса под лестницей слегка поехали. Парнишка поспешил поддержать трап.

Надо же, как я успела снова отвыкнуть от этого допотопного транспорта. Поверхность панциря сложно назвать ровной, и каблуки сапожек то и дело подворачивались. Приходилось постоянно держаться за скобы-перила.

– Здесь свободно? – я остановилась у последней скамьи в ряду – просто чтобы не идти дальше, да и сойти потом первой.

– Конечно, кэри! – худошавый и взъерошенный юноша в довольно потрепанном сюртуке и с ярко-рыжими волосами даже с готовностью попытался подвинуться, хотя никакой необходимости в этом не было – скамейки и без того двухместные. Да и возможности – учитывая, что сам молодой человек успел уже пристегнуться.

По проходу между скамьями с топотом и визгом, раскинув руки, пронесся в одну, а потом в другую сторону маль-

чик лет семи на вид.

– Ежи, не балуйся! – строго окрикнула его полная женщина с передней скамьи. – Сейчас напугаешь черепаху, и она тебя сбросит!

Я усмехнулась. Меня тоже когда-то в детстве так страшила няня. На самом деле надо очень постараться, чтобы чем-то удивить привычную ко всему пассажирскую черепаху. Да и в целом эти животные не склонны... к слишком резким движениям.

– Прошу всех пассажиров занять свои места и пристегнуться! – погонщик поднял руки, выплетая первую команду.

Машина под нами зашевелилась, и я торопливо защелкнула страховочный ремень.

Гигантские крылатые черепахи – реликтовый вид животных. Их последних представителей обнаружили исследователи необитаемого пустынного континента на юге, а уже полларские и алесские ученые нашли способ не только нарастить популяцию, но и сделать ее более устойчивой, адаптировав к нашему климату. А потом и приручить – эти звери оказались довольно умными, способными запоминать маршруты и реагировать на команды. Погонщикам даже почти не приходится применять магию.

И черепахи оказались совершенно незаменимы для грузовых и пассажирских перевозок – сильные, выносливые, они способны были преодолевать огромные расстояния, практически не замечая дополнительной ноши из пары десятков че-

ловек на спине.

Только очень медленно.

А еще они всегда считались самым безопасным видом транспорта. Упасть с панциря, пристегнувшись артефактными ремнями, невыполнимо. В отличие от дирижабля, черепаха не взорвется, в отличие от лошади – не взбрыкнет и не понесет. Худшее, что может случиться во время перелета, – животное в какой-то момент вдруг решит вздремнуть, приземлится в произвольном месте и втянется в панцирь. И никакими силами ее будет не поднять в воздух, пока не выпит-ся. Но такое, к счастью, случается только на дальних маршрутах.

Черепаха сделал несколько шагов к краю посадочной площадки – и перевалилась через него. Я вцепилась пальцами свободной руки в скобу, закрепленную на спинке скамьи передо мной. Рывок, от которого пассажиров вдавило в сиденья, – а потом черепаха наконец выпростала из-под панциря и расправила гигантские крылья.

Никогда не любила этот момент. Каждый раз кажется, что эта махина сейчас просто свалится с высоты площадки.

Черепаха, тяжело взмахивая крыльями, медленно набирала высоту.

– А ведь я вас видел в университете! – радостно объявил вдруг мой рыжий сосед, широко улыбаясь и протягивая руку. – А на каком вы факультете? А я Ратко Милич, с анималистики, четвертый курс!

– Я преподаватель, – прервала я этот поток слов, и мальчишка резко осекся, так стремительно захлопнув рот, что слышно было, как щелкнула челюсть. Руку, тем не менее, пожала. – Петреска Морриш, факультет теоретической магии.

Да, вот такое у меня имя, больше похожее на фамилию, – в честь прабабки, переместившейся в прошлое на пять лет и немало приумножившей капиталы семьи. Обычно я предпочитаю называться Петрой. Интересно, будут ли называть потомков уже в мою честь? Хотя сначала надо выяснить, а будут ли у меня потомки.

Рыжий Ратко Милич очень осторожно вынул руку из моей ладони и прижал к себе – то ли не знал, куда деть, то ли живот разболелся от неловкости.

– Простите...

– Ничего, – я вежливо улыбнулась. – Я читаю общую теорию магии. Неудивительно, что нам не доводилось сталкиваться.

Парень впечатленно закивал.

Вообще-то это звучит впечатляюще только для первокурсников или непрофильных студентов – как самый молодой преподаватель я веду, по сути, самое общее введение в специальность. Конечно, у меня есть еще пара спецкурсов, но их название бедолаге вообще ничего не скажет.

Под брюхом черепахи проплывали редкие облака. Повернув голову, я залюбовалась открывшимся видом на шпили, башни и ратуши. Город с высоты черепашьего полета – по-

трясающее зрелище!

Увы, молчать слишком долго оказалось все же выше сил моего попутчика.

– А вы тоже на скачки? – любопытно спросил он, и тут же воодушевленно добавил, – я собираюсь ставить на Белого Ветра, а вы?

Я даже не сразу сообразила, о чем он. Скачки? В самом деле, это ведь сегодня. Ежегодный большой забег. Но ипподром находится за городом – ближе к Брегову, чем к пригороду, где живут мои родители.

Впрочем, тут же пришло и воспоминание. Я слышала, что так делают студенты и завзятые игроки. Взять кэб до ипподрома в городе не все могут себе позволить. А вот билет на рейсовую черепаху стоит совсем недорого, особенно если лететь на утренней. И извозчики из пригорода просят куда меньше столичных. В итоге экономия, думаю, выходит не такая уж большая, а времени нужно потратить уйму. Но, видимо, желание выгадать лишнюю пару монет на ставку перевешивает.

– Не ставьте, – не глядя на собеседника, посоветовала я. – Он проиграет.

Это-то я точно помню, в отличие от многих мелочей собственной жизни. Белый Ветер подвернет ногу, и первым придет Вихрь. Победителей ежегодных больших скачек я зазубривала наизусть, как и все Морриши. Семейная традиция. Во второй жизни даже использовала иногда эту информа-

цию. И даже попыталась забыть – казалось, что уж больше-то не пригодится, но эти списки и даты засели в голове чуть ли не крепче таблиц маговалентности материалов.

– А вы на кого поставите? – чуть оробел рыжий.

Сделать доброе дело? Впрочем, вряд ли шальной выигрыш принесет ему добро. Не стоит поощрять студента к азартным играм. Тем более что сейчас он наверняка должен быть на лекциях.

– Я не играю на скачках.

Молчать подолгу мой попутчик не умел определенно.

– Когда-нибудь я выведу новую породу черепах, – сообщил он. – Сначала, конечно, закончу учебу. И я тоже получу степень! Обязательно. А потом займусь черепахами. Выведу скоростных! Вообразите только, вы садитесь на черепаху – и за пару часов долетаете до Алесских островов! А то и на другой материк!

Я мысленно усмехнулась. Заведомо провальная идея – к тому времени черепахи как вид транспорта безнадежно устареют и будут использоваться только для дальних грузоперевозок и экскурсий. А долететь до островов за час-другой – легко. Только не на черепахе, конечно.

– На них наверняка будет трясти, как в дилижансе, – прокомментировала я, чтобы поддержать разговор. – На высоте это не слишком приятно.

– Да вы что! – тут же горячо возмутился парнишка. – Это невозможно в принципе. Вот вы знаете, почему на черепахах

вообще не трясет? Потому что они детенышей так же носят. Реликтовые черепахи – единственный вид черепах, который носит детенышей на спине, пока те сами летать не научатся. Взрослая особь чувствует дополнительный вес – и несет его так, будто он хрустальный...

– Так они что – принимают нас за черепахат? – оторопело переспросила я.

– Нет, конечно. Они же не глупые! Просто это инстинкт, понимаете? Ну, это как женщина видит незнакомого ребенка. И она, конечно, отлично понимает, что это не ее ребенок, своего-то она бы узнала! Но материнский инстинкт все равно включается, и вот она сюсюкает и предлагает пирожное... – поймав мой скептический взгляд, Ратко запнулся. – Э... плохой пример, да? То есть... я хотел сказать...

– Неважно, – я махнула рукой. – Я поняла, что вы имели в виду.

Занятно... но бесполезно. Увы, для магов-животноводов, как пренебрежительно называли анималистов, скоро вообще останется не так уж много работы. Не самое перспективное направление выбрал Ратко.

Хотя... теоретическую магию многие вообще не принимали всерьез. Нас, теоретиков, и за магов-то никто не считает – неудивительно, учитывая, что это единственный факультет, на который можно поступить с минимальным резервом. Например, таким, как у меня.

Меня это никогда не волновало. Потому что я и хотела

заниматься именно теорией. И делала то, что мне интересно. Как и Ратко, похоже.

Я взглянула на парнишку с неожиданной для себя симпатией. Может, из него еще и выйдет толк. Если, конечно, не будет прогуливать лекции ради скачек.

Папа сидел за своим столом в кабинете и читал газету, что-то помечая в ней химическим карандашом – будто ничего не изменилось, и не прошла целая вечность с тех пор, как мы виделись в последний раз.

На секунду я замерла, разглядывая его. Такой молодой еще! Знакомые морщинки в уголках глаз только начали собираться. Седины в пепельных волосах почти не заметно. У меня почти такие же волосы, только еще светлее – будто седые заранее. Зато возраст их ничуть не испортит, это я уже знаю.

В глазах зашипало. Да что же это такое!

– Пап, – в горле будто комок застрял, – я вернулась.

– Ясного дня, Петра, – подняв глаза, он чуть прищурился и ласково улыбнулся.

– Пап, – я подошла ближе, обошла письменный стол, наклонилась и все-таки чмокнула отца в щеку. Тут же немного смутилась своего порыва, отступила и присела боком на подоконник – с детства любила так сидеть. – Нет, пап, понимаешь... *я вернулась.*

Повторив это слово с нажимом, я пристально посмотрела на отца. Он должен понять.

И он понял. Мгновенно посерьезнев, отложил газету и развернулся ко мне всем корпусом, скрежетнув ножками кресла по полу.

– Так... так. Сколько?

– Почти двадцать лет. И до этого – еще пятнадцать. Я вернулась... дважды.

Кажется, солидный, уважаемый и несомненно превосходно воспитанный кэр Тадеуш Морриш в этот момент едва удержался, чтобы не присвистнуть. Да уж, на такие сроки вообще редко кто возвращается, а чтобы дважды – такого просто еще не было.

Но усомниться в моих словах ему и в голову не пришло. За что особенно люблю своих родителей – они прекрасно знают, как я отношусь ко лжи, и никогда не сомневаются во мне. Я всегда была уверена, что ложь бессмысленна и даже оскорбительна – и для того, кто ее произносит, и для того, кого он пытается обмануть. Если, конечно, речь не идет о вежливом обмене любезностями, который сам по себе подразумевает, что собеседников совершенно не интересует самочувствие друг друга.

Папа поверил сразу. И в первую секунду пришел в восторг – а потом понял, что для этого должна быть очень страшная причина. Как минимум, я сама умирала дважды.

– Все плохо, пап. Я не знаю, что делать.

– Для начала – все рассказать, – решительно объявил он, нахмурившись. – И как можно подробнее!

– Любопытно, – отец задумчиво потер подбородок. – Для начала скажи мне, ты ведь оформляла в первой жизни патент?

– Да, конечно!

– Магически заверенный? – настойчиво уточнил он.

– Разумеется!

– Очень интересно... как же тогда...

Я понимала, о чем он говорит. Теоретически магический ограничитель просто не позволяет никому использовать чужое изобретение вопреки воле обладателя патента. И тем не менее, мои наработки были применены так, как я никогда бы не разрешила. Более того – поняв наконец, к чему все идет, я прямо запретила продолжать работу в этом направлении, разорвала контракт, выплатила за это огромную сумму... но работу кто-то все же доделал. Вопреки магическому блоку.

– Что ж, – подытожил папа, – я покопаюсь в патентном праве. Надо найти ту лазейку, которая могла быть использована, чтобы закрыть ее... и, кстати, думаю, напрасно ты так решительно отказалась от знакомства с этим юношей из мастеров. Я полагаю, вам нашлось бы о чем поговорить.

– О чем, например? – фыркнула я. – Этот человек ради денег или славы... или что бы им ни двигало, готов был уни-

чтожить мир! На его совести сотни и тысячи жизней! Он создал оружие, которое...

– Во-первых – еще нет, – спокойно уточнил отец. – А во-вторых – наверняка о тебе кто-то мог бы сказать то же самое.

Я озадаченно нахмурилась.

– Полагаешь, его работу тоже кто-то мог использовать вслепую?

– Почему нет? Петра, ты ведь понимаешь, что для активации “паутины” приказ об испытаниях или хотя бы разрешение на них должен был отдать кто-то близкий к верхушке военного ведомства? Даже неважно, был это предатель или идиот. А может, дело в роковой случайности. Но в первой версии событий к этому никак не мог быть причастен безвестный мастер. А значит, и во второй он, скорее всего, был, как и ты до него, просто орудием в чьих-то руках.

– Даже если так, зачем мне с ним общаться?

Папа хмыкнул.

– Ну, думаю, тебе это могло бы быть небезынтересно. Вы с ним разными путями пришли почти к одному результату. А значит, изначально работали в одном направлении, только совершенно разными методами. Ты – исходя из теоретических выкладок, он – очевидно, исключительно путем практических опытов. Просто в первой жизни ты успела с патентом раньше... ладно, значительно раньше. Вместе вы могли бы достичь еще большего!

– Уничтожить все еще быстрее? – я скептически припод-

няла бровь.

За окном уже сгущались сумерки, и возле нашего дома зажегся фонарь.

– Сделать мир еще лучше! Как ты там говорила – безопасные и быстрые дирижабли? Я с удовольствием бы попутешествовал!

– С этим я и сама отлично справлюсь!

Папа мягко рассмеялся.

– Просто подумай об это, ладно? А пока – ты ведь останешься на ужин? Мама должна скоро вернуться из дамского клуба. Они и без того уже засиделись.

Я снова бросила взгляд за окно. Да, мы тоже проговорили весь день – даже обед старый Якоб принес нам в кабинет.

На комоде звякнул почтовый ящик, и папа поднялся с чуть виноватой улыбкой.

– Наверное, прислали турнирные таблицы. Я поставил немного на Белого Ветра – жаль, не успел посоветоваться с тобой...

Я уже открыла было рот, чтобы сказать, что действительно жаль, но папа, успевший открыть ящик и заглянуть в него, довольно улыбнулся.

– Надо было ставить больше. Хотя ты и так знаешь, верно?

– Подожди... – медленно произнесла я. – То есть... Белый Ветер... пришел первым?!

Глава третья

Ратко Милича я нашла в столовой.

Обычно я предпочитаю завтракать и обедать в кафе напротив входа в университетский городок – там кухня куда приличнее, да и шума меньше, можно в тишине подумать или посидеть над учебными планами. Но в этот раз я у меня была вполне определенная цель.

Впрочем, откровенно говоря, вернее будет сказать, что это Ратко Милич нашел меня – едва не налетев, пока я неторопливо осматривалась, собираясь направиться к преподавательским столам.

– Кэри Морриш, а я все-таки выиграл! Белый Ветер победил! А вы не верили! – рыжий так фонтанировал счастьем, что я невольно покачала головой. Надо же, ни за что не заподозрила бы в этом мальчике настолько азартного игрока!

– Поздравляю! – улыбнулась я.

– Нет, вы понимаете! Понимаете, я ведь теперь... я смогу оплатить следующий семестр! Это же... а я смогу!

– О... – все, оказывается, не так просто. Я-то думала... а мальчик, выходит, просто отчаянно искал выход, чтобы продолжать учиться. Мне-то никогда не приходилось всерьез задумываться о том, как оплатить учебу. Впрочем, моих баллов было достаточно на стипендию – я сама от нее отказа-

лась, рассудив, что есть те, кому это нужнее.

Однако, что бы ни двигало Ратко Миличем, я должна была его расспросить о том, что произошло.

Много поколений Морришей заучивали результаты скачек как раз для таких случаев. Конечно, не стоит делать выигрышных ставок каждый год – это вызовет подозрения, а Морриши, как и все старые семьи, скрывают свой дар. Но это самый простой и быстрый способ получить первый капитал для дальнейших изменений в жизни – своей и своей семьи. Это всегда работало. Я тоже так делала в прошлой жизни. На двух витках времени первым приходил Вихрь. Что изменилось теперь?

Один из моих предков уверял, что иногда брошенный камушек может вызвать лавину. А если этот камушек брошен в прошлом, то в будущем из-за этого камушка изменятся тысячи судеб.

Но сейчас “камушек” – это я. И меня даже не было на скачках!

А вот Ратко – был. Возможно, он мог что-то заметить? Или... сделать?

Пока я подбирала слова, чтобы начать расспросы, студент, ни о чем не подозревая, сам принялся, сбиваясь и путаясь, рассказывать о скачках. Похоже, ему просто необходимо было с кем-то поделиться своими эмоциями. Бедняга, неужели у него нет друзей? Или просто все друзья выслушали уже все это по десятку раз и больше не могут?

– Вы сказали, и я так переживал! Даже подумал, может изменить ставку? Но я же ходил смотреть лошадей, я же знаю, я разбираюсь! Белый Ветер не зря был фаворитом, он и правда лучший! Я не сомневался! А тут вдруг засомневался! Даже пошел к конюшням и поругался с кем-то из жокеев, и потребовал еще, чтобы на лошадях проверили защиты – ну, знаете, им ставят от случайных проклятий, я подумал, вдруг что-то слетело или ослабло, от сглаза, от спотыкачки, от печати на неудачу...

На мгновение я замерла. Вот оно! Я дала совет, и Ратко потребовал перепроверить защиту. Видимо, она и в самом деле ослабла – так бывает из-за высокой концентрации магических сил, а на ипподроме вечно кипят страсти. Какой-то азартный болельщик на трибунах – то ли в сердцах, то ли от отчаяния – наслал на Белого Ветра “спотыкачку”. Совсем детское проклятие, школьники и младшие студенты так ставят “подножки” друг другу. Но защита сработала, как надо, и на этот раз фаворит победил, а сенсации не случилось.

А самое невероятное – что мой совет, данный мимоходом, запустил целую цепочку событий. Которая в итоге может изменить немало судеб. Кто-то проигрался в пух и прах, а кто-то, напротив, выиграл – и в этот раз это будут другие люди. Для кого-то, как для моего папы, это просто приятная или неприятная, но ничего особенно не меняющая новость – а для кого-то судьбоносные перемены. Живой пример сейчас прямо передо мной.

Камушек уже покатился с горы, и я будто наяву услышала грохот лавины.

Каждый из этих людей, включая юного кэра Милича, сможет что-то изменить в будущем. Может быть, он выведет-таки своих скоростных черепах? Или кого-то еще?

Впрочем, я в прошлой жизни тоже изменила немало – но не смогла изменить главного.

Однако выходит, в обеих предыдущих версиях событий Ратко не доучился в университете. Или все же нашел какой-то другой способ оплатить учебу?

– А что бы вы делали, если бы проиграли? – спросила я вслух.

– Я... – Ратко запнулся. – Вы не подумайте, мне одного балла на стипендию не хватило – кэр Завойчич просто валит на экзамене! Я думал работу найти, только я же все равно на целый семестр не...

– И что же, у вас не было никакого запасного плана? – настойчиво переспросила я.

– Ну... – парень замялся, как-то забегал глазами и неохотно продолжил, – мне предлагали... только я ученый, а не коновал! То есть... буду. И животных я люблю! А они их... Я на боях даже ставок не хотел делать, противно же...

Я кивнула, медленно осознавая, чего на самом деле избежал рыжий восторженный Ратко. Звериные бои – собачьи, петушинные, какие угодно – сами по себе проводятся полуподпольно. Модифицировать для них животных и вовсе за-

прещено, но для чего еще организаторам или участникам мог бы понадобиться маг-анималист? Мальчишка, похоже, даже не понял, что предложили ему что-то незаконное. Платили бы за это наверняка неплохо. Вот только стоит связаться с криминальным миром один раз, и выбраться из этого болота потом будет совсем непросто.

– Поздравляю еще раз, кэр Милич. И постарайтесь в следующем семестре все же получить стипендию, – мы и без того уже слишком долго простояли со студентом посреди прохода в столовой, привлекая внимание.

Парень закивал так, что мне всерьез показалось, будто голова у него вот-вот отвалится, и снова расплылся в счастливой улыбке, явно уже выбросив из этой самой головы все неприятные мысли.

Начало учебного года – вечная головная боль: чехарда с расписанием, новые группы, свеженькие, еще необтертые суровым академическим бытом и едва выпорхнувшие из-под родительского крыла первокурсники... В этом году у меня на все это наложилось еще и начало работы над диссертационным проектом. Тему исследования я наконец согласовала с деканом Вуйчиком – и теперь предстояла долгая и кропотливая работа. Неважно, что проделывать ее предстоит уже во второй раз – каждый неудачный опыт придется повторить, каждую неподтвердившуюся гипотезу еще раз опровергнуть.

А еще от преподавательской работы по-прежнему никуда не деться. Накануне у меня выдался свободный день, зато сегодня – несколько лекций подряд.

И добро бы одни первокурсники! С ними я уже представляла, как себя вести. А припомнив опыт самой первой жизни, в которой я отлично знала этих ребят, их удалось увлечь с самого начала.

Но теперь мне предстояла открытая лекция – нововведение, смысла и цели которого не понял пока никто. Хотя у меня и тут есть кое-какие преимущества.

Открытая лекция – это когда приходят по желанию студенты с разных курсов и факультетов, а преподаватель рассказывает им о преимуществах своего направления магии и факультативных спецкурсах, на которые могут записываться все желающие. По сути – никому из непрофильных студентов это обычно не нужно. Ну разве что стипендиатам добавляет баллов. Да еще и проводятся такие занятия после всех основных предметов.

Словом – ничего удивительного, что на открытых лекциях студентов обычно... не так чтобы много. Десяток человек – уже достижение.

Хотя... я обвела взглядом аудиторию. Что-то не так.

В прошлый раз как будто... их было меньше. И некоторые лица совсем незнакомые.

– Приветствую, господа студенты! Меня зовут кэри Петреска Морриш, и я представления не имею, что привело вас

всех вместо заслуженного отдыха в эту аудиторию. Надеюсь только, что никто не загонял вас сюда палками... нет? Значит, мы наверняка сможем договориться!

Студенты, переглядываясь, неуверенно улыбались, а я продолжала их разглядывать.

Вот и Ратко Милич. В прошлый раз его не было... да и не могло быть. С этим все понятно – в последний момент и даже с запозданием чудом оплатил новый семестр, теперь готов на все, чтобы заработать стипендию. Даже ходить на открытые лекции по теормагу. Молодец мальчик.

Еще несколько анималистов, судя по значкам на лацканах. Были ли они в прошлый раз? Пара артефакторов – наверное, тоже стипендиаты. Кое-кто из первокурсников-теоретиков.

И... Марек. Интересно, а он что здесь делает в этот раз? В позапрошлой жизни мы к этому моменту были уже знакомы, он потому и пришел. А сейчас?

Вообще-то Марек на год старше меня. Вот только я всегда мечтала о научной карьере, а последние два года старшей школы сдала экстерном – чтобы поскорее поступить в университет и наконец-то заняться чем-то действительно важным и интересным.

Марек, напротив, после старшей школы по традиции своей семьи отправился служить в дальний гарнизон на целый год. По возвращении, конечно, поступил на военный факультет – ему была туда прямая дорога с его-то огромным резервом и бесчисленными поколениями героических предков.

На третьем курсе еще брал академический отпуск – снова на год.

Вот так и вышло, что я начала уже преподавать, а он – все еще учился.

Только я стала пока – рядовым никому неизвестным преподавателем, не пользующимся особым уважением и без какого-то реального авторитета. Как и любой слишком юный педагог. А мой будущий муж, еще не доучившись, успел стать легендой.

Теормаг и военка никогда не пересекались. Более того – представители этих факультетов всегда относились друг к другу пренебрежительно. Они нас считали такими недомагами, способными только переписывать пыльные фолианты. А мы их – тупой силой, неспособной работать мозгами. Даже общежития факультетов располагались в разных концах университетского городка. Неудивительно, что за годы учебы мы с Марекком так и не встретились ни разу.

– У меня вопрос! – поймав мой взгляд, он удовлетворенно улыбнулся.

– Да, кэр..? – я вопросительно посмотрела на него, и Марек поморщился. Ну надо же! Уверен, поганец, что его фамилию я знаю, но пытаюсь сохранить лицо.

– Что вы делаете сегодня вечером?

Студенты, сидящие по обе стороны от моего будущего мужа, синхронно толкнули его локтями, давась смешками.

Надо же, а он на этот раз не один с военного факультета.

Этого тоже в прошлый раз не было.

Неужели он и тогда был таким противным мальчишкой?

Ох... да конечно, был. Просто я тогда видела его сквозь призму своей детской влюбленности. Это я изменилась: стала старше на две жизни и две смерти. А он остался там же.

Пожалуй, в этот раз я подожду, когда он тоже немного повзрослеет.

– Ужинаю с женихом, кэр студент, – на самом деле я собиралась заняться семейными архивами, часть которых забрала у отца, но студентам об этом знать ни к чему. – И если вопрос моего личного времени и личной жизни исчерпан, предлагаю перейти к теме нашего занятия.

– А у него есть тема? – чуть насмешливо переспросил один из боевиков, пришедших с Мареком.

– Разумеется, – я пожала плечами и постаралась обаятельно улыбнуться. – Только я еще не знаю, какая. – Смешки стали громче. – Видите ли, господа... открытые лекции – жанр новый не только для вас, но и для преподавателей. Откровенно говоря, никто толком не знает, как их проводить. Вы собрались здесь с разных факультетов, и на каждом из них теория магии дается в том или ином виде – в сжатой форме и только в части, непосредственно касающейся вашего направления. Но знаете что? Самые интересные исследования проводятся и самые неожиданные открытия совершаются зачастую на стыке дисциплин. А любая практика без теории умирает, потому что перестает развиваться...

– Теория – для слабосилков! – провозгласил все тот же боевик. Разумеется, не утруждая себя поднятием руки, чтобы высказаться.

А ведь я его знаю... он будет работать вместе с Марком в министерстве. Правда, студенческая дружба постепенно сойдет на нет, сменившись соперничеством.

Во всяком случае, одергивать его сейчас бессмысленно. Просто не поможет. А что если удивить?

– Вы полагаете? – я так лучезарно улыбнулась, что боевик, кажется, немного опешил. – Что ж... думаю, все вы знаете, что личный резерв чаще всего можно развить – иногда даже от минимальных значений к максимальным. Только это требует огромных усилий. И зачастую – индивидуального подбора методик, для чего как раз очень важны теоретические знания. Но скажу вам больше...

Я подошла к доске и принялась писать в столбик имена. Рейно Грожик, Огнен Рельски, Жофия Оснецкая... каждый здесь знает эти имена. Это их кумиры – знаменитые маги последней полусотни лет, самых разных направлений. Даже один боевик в их числе затесался.

В аудитории повисла недоуменная тишина. А я отчертила вертикальную линию и принялась вписывать напротив имен цифры. Невысокие цифры, откровенно говоря. Не зря когда-то собирала эту статистику!

– Уверена, каждый из вас многое знает о каждом из этих людей... а теперь взгляните на цифры справа. Это – показате-

тели резерва каждого из этих магов на момент их поступления в магический вуз.

Аудитория зашумела.

– Да она спятила! – возмущенно выкрикнул кто-то с заднего ряда, и это прозвучало отчетливо даже в общем гуле.

– Нет, просто люблю систематизировать информацию, – все с той же улыбкой возразила я. – Как видите, большинство из ваших кумиров были когда-то слабосилками. Рейно Гро-жик в свое время вообще едва наскреб на проходной балл, его не хотели брать в университет... Согласно статистическим данным, среди наиболее выдающихся магов урожденные сильные маги встречаются довольно редко. Кто может предположить, почему так происходит?

– Они меньше стараются? – несмело пискнула девушка с первого ряда. Кажется, с артефакторного.

Я благосклонно кивнула.

– Да, вы правы, часто слабосилки пытаются компенсировать малый резерв усердием. Они очень мотивированы и старательно учатся. Как результат – к концу обучения их резерв может и сравняться с теми, кто пришел уже с большим потенциалом. А вот знаний и навыков у них куда больше... хотя есть, увы, и то, что зависит только от врожденных качеств. Напрасно улыбаетесь. Вопреки вашему мнению, природа на стороне слабосилков. Именно они с первого дня освоения магии учатся тщательно, по капле вымерять расход силы. Для них это почти вопрос жизни и смерти. Стоит чуть оши-

биться – и можно перерасходовать силы, выгореть навсегда. Слабосилки работают, как ювелиры. По мере роста резерва они получают большие возможности, а вот навык тщательного контроля остается при них. Результат?

Я снова повернулась к доске и принялась выписывать новые имена, не менее известные. На этот раз – тех, кто родился с большим резервом и знаменит каким-то одним подвигом или достижением... Верея Зодек, остановившая большую эпидемию около пятидесяти лет назад. Густав Гржецки, предотвративший наводнение... эти люди выгорали после своего великого подвига. И, кажется, уже на третьем имени мои студенты начали догадываться, что за список я пишу.

Тоже с цифрами – на этот раз более чем приличными.

– Знаете ли вы, что среди бывших слабосилков, достигших максимального уровня резерва, не бывает срывов и выгораний? – все запереглядывались. Выгорания у сильных магов – распространенная штука, этого боятся все без исключений. – Именно бывшие слабосилки могут себе позволить использовать сложнейшие заклинания на грани человеческих возможностей – и удержаться у этой грани. Не выгорев, а перейдя в разряд по-настоящему выдающихся магов.

– А вы-то почему свой резерв не раскачали до приличного, кэри Морриш? Это правда, что у вас – минималка? – на этот раз голос подал сам Марек, и я вынужденно остановила на нем взгляд. Вопрос вообще-то довольно бестактный. Неужели думал смутить?

Что ж, меня сейчас смутить вообще сложно.

– Чистая правда. Врожденная неэластичность каналов, – спокойно проинформировала я. – Проблема, к сожалению, не такая уж редкая. Впрочем, я никогда и не стремилась к увеличению резерва...

Боевики дружно скорчили сочувственно-понимающие гримасы. А ведь они и в самом деле думают, что я всего лишь пытаюсь делать хорошую мину.

– Потому что, видите ли... теория магии учит, что любую задачу можно решить бесконечным количеством способов. Вопрос только, хватит ли вам ума отыскать такой способ при заданных условиях.

Я непринужденно повела рукой – и порывом ветра взметнуло бумаги на столах студентов, а волосы всех троих боевиков разом встали дыбом и тут же осели, оставив торчащие рожками вихры.

Никто даже не засмеялся – так ошарашенно замолчали все разом.

Каюсь... не удержалась. Все здесь отлично понимают, что такое как бы невозможно. Магия отнюдь не всесильна, у нее есть масса ограничений. При минимальном резерве “лентой” своей магии я просто не должна была дотянуться до сидящих на дальнем ряду – не говоря уже о тонких манипуляциях.

Хорошо, что никто не сидел на лекции в артефактных очках – и не видел мои нестандартные “ленты”. Все гогглы

сдвинуты на макушки, в этом я заранее убедилась.

Такое в самом деле невозможно – пока. В этой жизни я еще не сделала своего открытия, благодаря которому размер резерва в самом деле станет неважным, а достижения прогресса будут доступны даже для не-магов. И пока лучше бы не щеголять своими возможностями.

Зато, кажется, на этот раз мне все же удалось впечатлить студентов.

Глава четвертая

Моя квартира располагалась в мансарде дома почти напротив входа в университетский городок – скромно, но вполне уютно, вдобавок на первом этаже есть уютное кафе, где всегда можно прекрасно перекусить. Да и забежать при необходимости домой можно прямо в перерыве между парами. Эту квартиру я выбирала сама, хотя оплатил ее папа – сразу после того, как я сдала свои выпускные экзамены в университете.

На выходе за ворота академгородка мне почудился пристальный сверлящий взгляд в спину, будто кто-то идет за мной след в след. Однако оглянувшись, я увидела неподалеку только пару шумных студенческих компаний – одну чуть дальше по дорожке и вторую, рассевающуюся на скамейке.

Нервы совсем расшатались. Впрочем, неудивительно.

Терять время на ужин не хотелось, так что, заглянув в кафе, я попросила завернуть мне пару булочек с собой и сразу поднялась к себе.

Квартирка состояла из спальни и кабинета – обе с покатым потолком в разные стороны, только в спальне единственное окошко располагалось в наклонном потолке, а в кабинете – в стене, как раз над рабочим столом, так что света днем оно давало вполне достаточно для работы. Хотя я куда

чаще работала здесь вечером, при свете лампы.

Сейчас на столе стопками возвышались разномастные тетради и папки с газетными вырезками – дневники, журналы наблюдений и прочие записки многочисленных Морришей, возвращавшихся на самые разные сроки.

Это со стороны может казаться, что такой семейный дар, как у нас, дает карт-бланш: делай что хочешь, всегда можно переиграть потом, переписать свою жизнь на чистовик... на деле все не так просто.

Прежде всего, дар возвращает только в случае несвоевременной, преждевременной смерти, причем только если сам обладатель дара может что-то изменить. Если события были неизбежны – смерть окончательна. Самоубийцы при этом не возвращаются никогда.

А еще – дар достается вовсе не всем потомкам рода. Причем узнать, есть ли он у тебя, можно только одним способом – для этого придется умереть.

Нет, теоретически сам факт наличия дара устанавливался вскоре после рождения – благодаря потомкам еще одной старой семьи. Но в их роду уровень дара тоже различался. И если в поколении, предшествующем твоему, у них носителей сильного дара не случилось, то и твой дар определяли весьма... приблизительно.

С детства мне рассказывали, к примеру, поучительную историю дяди Горана. На самом деле дядей он приходился еще моему деду, но так называть его проще.

Дядя Горан твердо рассчитывал на семейный дар и жил так, как будто пишет черновик – плевать на пометки. Пил, кутил, играл, не оглядываясь и не задумываясь. Правда, зато – заучивал не только результаты Больших скачек, а итоги каждого еженедельного забега. И даже выпавшие номера в казино и расклады карт в играх – с датами и списками игроков и ставок. Ничуть не огорчился, когда его переставали пускать в те или иные заведения. Не терзался муками совести, совершив какой-то неблагоприятный поступок – а таких было в его жизни немало. Просто он был уверен, что все это не будет иметь значения. Смерти он намеренно не избегал – скорее ждал ее. Неудивительно, что однажды его зарезали в пьяной драке.

И тогда дядя Горан умер. Просто умер, без всяких возвращений. И остался в семейной истории всего лишь поучительным примером, страшилкой для маленьких Морришей.

Помимо всего прочего, невозможно предугадать и срок, на который вернешься. Это может оказаться и один день, и один час, и несколько минут, за которые ничего, кроме как избежать смерти, не успеешь.

Записки и наблюдения вели преимущественно те из Морришей, кто возвращался надолго. Но прежде всего меня интересовали дневники прапрадеда Матеуша, который пытался, как я знала, вывести закономерности в тех изменениях, что вносит в будущее вернувшийся назад.

Я наугад открыла одну из тетрадей в плотном кожаном

переплете. И сразу прикипела взглядом к верхним строчкам.

“...Порой одна фраза или ничего не значащий поступок могут изменить чью-то судьбу – и ты не можешь предугадать, к лучшему или к худшему. Меняя прошлое, ты меняешь будущее. Все остальные роли уже расписаны, а потому в миг возвращения ты – единственное действующее лицо, от которого зависит абсолютно все, потому что ты единственный, кто может действовать иначе. После – все уже изменилось, и каждый из людей вокруг может стать другим – не тем, кого ты знал раньше...”

В окно что-то едва слышно стукнуло – раз и другой. Вскинув голову, я прищурилась. Что-то белое... мелкая белая птичка, которая настойчиво тычется в стекло. Бумажная птичка.

Нахмурившись, я встала из-за стола и приоткрыла створку окна, чтобы выглянуть. Увы, уже смеркалось, рассмотреть что-то среди теней оказалось не так просто. А вот мою фигуру у окна, наверное, отлично видно с улицы.

Бумажная птичка, впорхнув, замерла на подоконнике. Покачив головой, я развернула сложенный листок. Записка оказалась написана знакомым почерком – вряд ли я когда-нибудь могла бы его забыть.

“А где же жених? P.S. Зазналась, малявка?”

Марек-Марек... Значит, все же не показалось, и он про-

следил за мной от университета. Неужели в самом деле все-таки узнал, как и пытался меня не раз убедить?

Да нет, пожалуй. Я ведь представилась в начале занятия. И более того – мое имя есть в расписании напротив моих лекций. У него было сколько угодно времени, чтобы припомнить, где его слышал. Да и семья Морришей достаточно известна, чтобы сложно было забыть фамилию давних соседей.

Вот только я уже не “малявка”. И, кажется, мы поменялись ролями.

В обеих прошлых жизнях инициатива в наших отношениях, по сути, исходила от меня. А как только мне стало не до них... наверное, можно считать это знаком, что мы действительно друг другу предназначены? Но сейчас почему-то внимание будущего мужа вызывало только раздражение своей неуместностью.

А как бы я реагировала, будь я на самом деле той, кем кажусь? Смутилась бы, обрадовалась, не могла ни на чем другом сосредоточиться. Написала бы ответ на обороте и сбросила “птичку” из окна. Наверняка он тоже написал бы еще что-то...

Я вздохнула. Скомкала записку, бросила в мусорную корзину, захлопнула окно и опустила занавеску.

К сожалению, я отлично понимала, что такое поведение только раззадорит Марека. Он ведь просто... мальчишка, да еще боевик. Недостигаемая добыча становится только желаннее. Но с этим я, увы, ничего не могла поделать.

Пожалуй, лучше даже вовсе выключить свет в кабинете, чтобы не дразнить. А почитать можно и в спальне – лежа в постели.

Предок Матеуш пытался вывести закономерности во влияниях, которые может оказать на будущее тот, кто вернулся в прошлое. Вот эти-то закономерности и интересовали меня больше всего – я как ученый привыкла систематизировать информацию и опираться на законы и формулы, незыблемые и неизменные.

...Увы, похоже, главный вывод, который сделал Матеуш, заключался в том, что закономерностей нет. Потому что будущее изменяется с каждым твоим поступком – даже, казалось бы, самым незначительным. Даже если ты знал человека в будущем – невозможно предсказать, как он поведет себя в новых обстоятельствах в прошлом. И это буквально сводило с ума.

А чем длиннее срок возвращения, тем шире веер вероятностей. Как же, будь оно все проклято, этот веер мог схлопнуться заново в ту же точку в моей второй жизни?!

Так я и проснулась – лежа в постели в ночной рубашке, но уткнувшись носом в очередную тетрадь. Хорошо, что хотя бы переоделась ко сну...

Сегодня мне предстояло провести всего две лекции, и обе – во второй половине дня. Предполагалось, что свободное

время я потрачу на работу над своим исследованием. Список источников и направление работы согласованы, университетская библиотека и любая из лабораторий – в моем распоряжении... но слишком спешить я не видела смысла. Все свои расчеты я могу воспроизвести по памяти, опыты – повторить хоть с закрытыми глазами, источники – найти на полках даже на ощупь. Эту дорогу я себе уже проторила, но прежде чем идти по ней, стоит понять, где именно она свернет в бездну.

Размышляя обо всем этом, я неспешно одевалась. Надо же... ведь и от сложного многослойного костюма успела изрядно отвыкнуть заново.

Решение о том, что делать теперь, родилось как-то само собой – уже за завтраком в кафе на первом этаже.

Я действительно не могу рассчитать вероятности нового будущего. Но что если попытаться расследовать будущее прошедшее?

Исходная точка – прямо сейчас. От нее ведут две разные линии событий, которые в итоге снова сошлись в одной точке. Но ключевые действующие лица в этих линиях – разные. Я и разноглазый мастер по имени Дорин Сабо, руководивший министерским проектом во второй версии. Должно быть связующее звено, которое и схлопнуло “веер” в одну точку. Мы с ним изначально существуем практически в разных мирах. Но нас что-то должно объединять, чтобы привести к тому самому финалу. Или кто-то. В случайности тако-

го масштаба я не верю. А вот если кто-то использовал нас в каких-то своих целях, то... нужно найти этого “кого-то”.

Все же папа был прав – мне следовало бы не отвлекаться на эмоции, а свести знакомство с этим человеком, чтобы иметь точку отсчета для своего расследования. Увы, на выходе из кафе меня поджидал совсем не тот, кого бы я хотела сейчас увидеть.

– Очаровательная кэри Морриш! – Марек ослепительно улыбнулся, протягивая мне руку. – Я уже заждался... вы как будто не спешите к началу занятий?

– Ясного дня, кэр студент, – я вежливо кивнула. – У меня окно. И собственные дела. А вот вам стоило бы поспешить, если не хотите опоздать.

Решительно обогнув Марека, я направилась в сторону от университета. Может, взять кэб?

– Как удачно вышло, что я тоже совершенно свободен! – явно соврал мой будущий муж и в пару широких шагов догнал меня. – И могу сопровождать вас. Такой красивой девушке не стоит бродить совсем одной!

Я вздохнула. Насчет своей внешности я никогда не обольщалась – не безобразна, но и до неземной красавицы далеко. Обычная довольно привлекательная девушка – но таких привлекательных в этом возрасте едва ли не каждая первая. Хотя подобные комплименты в этом же возрасте и заставляют замирать сердце – особенно когда их произносит тот, кто нравится.

Но мне такой эскорт совершенно не нужен сейчас.

Из остановившегося чуть дальше по улице кэба вышел мужчина с щегольской тростью, обернулся и подал руку хорошо одетой даме. Дама спускалась неторопливо, подобрав юбки.

Я прошла еще немного, не ускоряя шага и не глядя на Марека, подстраивающегося к моей походке. И только оказавшись напротив освободившегося кэба, сделала резкий рывок и заскочила на подножку.

– Вперед!

Извозчик, обернувшись ко мне, приподнял брови, однако вопросов задавать не стал – и дернул поводья.

Драгоценный будущий супруг, не ожидавший от меня такой прыти, не успел совсем чуть-чуть. Впрочем, он мог бы, наверное, заскочить следом – просто пришлось бы толкнуть меня, а такого воспитание ему все-таки не позволило. На мое счастье.

– Куда? – теперь извозчик смотрел вперед, хоть и обращался ко мне.

– К кварталу мастеров.

Кажется, я сказала это достаточно громко. Во всяком случае, обернувшись, успела заметить, как неподражаемо вытянулось лицо Марека.

Ну, знаешь ли, любовь моя... да я сама от себя не ожидала!

На самом деле Квартал мастеров – это давно не один квартал. Это целый огромный район столицы, существующий как отдельный город. Приличные люди не ходят сюда – а жители Квартала мастеров в ответ любезно почти не навещают в благопристойные районы. Не то чтобы он как-то специально огораживался, нет... формальной границы не существует. Но все знают, где она проходит.

По сути – это такое место, где концентрируются отщепенцы от магии: все те, кто, обладая магическим потенциалом, почему-то не захотел или не смог получить нормальное образование. А зарабатывать своим даром, тем не менее, хочет. Произведенные здесь артефакты и зелья пользуются спросом, как ни смешно, даже у студентов, не говоря уже о простом народе. Просто все эти поделки без гарантий эффективности или хотя бы безопасности стоят куда дешевле, чем у лицензированных магов в сертифицированных лавках. Выходца из квартала мастеров всегда легко узнать по множеству таких артефактов – наручам, часам, нелепым гогглам, не похожим на сделанные по стандартным схемам и меркам.

И, конечно, здесь же обитают и механики – все эти горе-изобретатели, уверенные, что прогресс вполне возможен без магии.

А уж когда эти две категории объединяются, от их изделий можно ждать действительно чего угодно. Неудивительно, что в квартале постоянно что-то взрывается, что-то гро-

хочет, что-то дымит, а жители улиц поблизости частенько жалуются на дрожание стекол и странные звуки и запахи.

Я поняла, что уже на месте, когда осознала, что мой кэб, не говоря уже о моем вполне пристойном платье, смотрятся... не совсем уместно.

Во всех витринах вокруг и даже в некоторых окнах вторых этажей что-то ритмично двигалось, тикало, цокало, вращалось и крутилось. Мимо пропыхтело нечто... наверное, повозка – без лошадей, зато исходящая паром и источающая непередаваемую алхимическую вонь.

В будущем на улицах появятся паромобили... может быть, это их дальний прообраз – донельзя нелепый, пузатый идвигающийся куда как медленнее лошади. Неудивительно, что за пределами квартала эту штуку пока никому не показывают. Наверняка их запретили вывозить куда-то до тех пор, пока мастера не найдут способ сделать их менее шумными и зловонными. Хотя не уверена, что это возможно без участия нормального мага.

В другую сторону проехала конструкция, напоминающая огромное голенастое насекомое – впрочем, присмотревшись, я все же опознала велосипед. Только с тремя здоровенными колесами спереди и еще двумя – под тележкой, закрепленной сзади. Педали крутила юная дама, одетая в обтягивающие, мужского кроя бриджи и высокие сапоги.

Я проводила велосипедистку взглядом. Хм... а это интересно. В далеком будущем приличные дамы тоже будут но-

сить брюки – широкие, особого кроя, с первого взгляда мало отличающиеся от юбок. Но такого... нет, такого мне видеть не доводилось. При этом, как ни странно, девушка не выглядела так уж непристойно.

Неужели мода на женские брюки пошла из квартала мастеров?

Взгляд зацепился за витрину магазина одежды, и мои глаза невольно распахнулись. Манекены в витрине махали прохожим руками и поворачивались им вслед.

Автоматоны! Самые настоящие автоматоны! Да, простые еще, примитивные, они даже не улыбаются – просто механически двигаются. Но ведь они должны появиться лет через пять, не раньше!

Я точно помню – их придумает артефактор Збигнев Ривулич, который найдет способ “оживлять” болванки с помощью системы кристаллов и магических контуров. Сначала появятся “живые” детские куклы, которые быстро станут невероятно популярными. А уж потом, еще не один год спустя, автоматоны будут уже улыбаться и махать руками из каждой витрины.

Збышек Ривулич работает в университете на факультете артефакторики, он на несколько лет старше меня. Мы с ним, конечно, не приятели, просто коллеги, здороваемся иногда, встретившись в сквере академгородка.

Или... Збышек просто бывает здесь? И автоматоны он, выходит, не придумал, а лишь нашел способ усовершенство-

вать. Ни один мастер не сможет оспорить авторство у лицензированного мага. Да и магический патент недоучке не получить...

Привычная картина мира осыпалась с тиканьем и звяканьем – обычным шумом Квартала мастеров. Только ли Збышек черпает здесь “вдохновение”?

– Остановите здесь! – распорядилась я, и извозчик послушно натянул поводья.

В конце концов, я все равно не знаю, где и как искать Дорина Сабо. Почему бы и не начать отсюда?

Глава пятая

Я сошла с подножки, продолжая крутить головой. Поразительно... все это всегда было рядом. А я увидела впервые – за три жизни. Будто попала в какой-то совершенно другой мир – в двух шагах от знакомых респектабельных кварталов.

И с одной стороны – здесь было все то, чего я ожидала. Кошмарный запах – машинное масло, гарь, что-то алхимическое... Черный дым, поднимающийся в небо из множества труб. Грохот и скрежет каких-то бесчисленных механизмов.

И одновременно... как будто именно здесь – прототип того самого мира, который я видела в будущем. Только там он будет... чистым. Будто отмытым и выглаженным. Как сверкающий кристалл, выточенный из неровного мутного камня. И этот мутный камень – почему-то здесь, а не в районе университета, средоточия научной мысли современности.

Витрина с манекенами-автоматами притянула меня, как магнитом.

...А может, я напрасно дурно подумала о коллеге? Может, он никогда здесь не был и не побывает? В конце концов, говорят, что идеи витают в воздухе. Если мои исследования кто-то смог – пусть не повторить, но хоть отчасти воспроизвести – не могло ли так же случиться и с идеей “живых” кукол? Я слышала, что бывали даже случаи, когда в разных концах мира разные группы ученых, ничего не слышавших

друг о друге, вели похожие разработки или исследования в одном направлении. И тогда все решал случай – кто первым успеет завершить работу и запатентовать результат. В итоге одна из групп не могла продолжить работу над своим же детищем без разрешения обладателя патента – а то и отчислений ему. Магическое патентное право обойти сложно. Интересно, удастся ли папе обнаружить лазейку...

С этими мыслями я перешагнула порог магазина и с любопытством заозиралась. Все казалось странным и непривычным. Мне и так-то нечасто доводилось бывать в магазинах готового платья, а здесь и модели женской одежды оказались совсем не такими, какие носили во всем остальном городе. Да что там – на половине манекенов были брюки самых разных фасонов!

– Хотите что-то выбрать для себя? – приказчица появилась откуда-то из-за бесчисленных рядов полок, сияя открытой улыбкой. Одета она была тоже непривычно: поверх простой белой блузы с широкими рукавами фигуру перетягивал кожаный корсаж. Темная верхняя юбка была подоткнута с одной стороны, открывая не только пену бесчисленных оборок, но и ногу почти до колена – впрочем, затянутую в узкий высокий сапог. А еще девушка была обвешана артефактами с головы до ног, как большинство людей здесь: часы на поясе, какие-то перстни, браслеты с движущимися шестеренками, заколки, чокер на шее, даже пряжки на обуви.

При всей своей экстравагантности приказчица произво-

дила приятное впечатление. Милое округлое лицо, невысокий рост, русые волосы, стянутые на затылке в небрежный узел – она была похожа на любую из уроженок столицы простого происхождения, но держалась куда более вольно, чем большинство женщин, которых я знала.

– Я... да, – я снова оглянулась. А, собственно, почему бы и нет? – У вас здесь... так необычно.

– Понимаю, – девушка кивнула и снова улыбнулась. – Вы из Большого города, верно? Это видно. Студентка? Может быть, даже магичка?

– Нет, – я качнула головой. – То есть да, я маг... преподаю в университете.

– А-а, – приказчица понимающе покивала. – Ищете себе мастера для черной работы? Я могу порекомендовать кого-нибудь.

Я замерла. В каком смысле – мастера для работы?..

...В течение следующего часа я перемерила едва ли не все наряды в лавке – по крайней мере, те, что сочла достаточно приличными для моего статуса. Пусть и довольно экстравагантными.

А еще узнала немало нового.

Любопытно, например, что местные жители называли всю остальную столицу Большим городом – как бы противопоставляя себя ему.

...И нет, я, кажется, совсем не ошиблась насчет коллеги Збигнева Ривулича. Вот только он такой не один. И никого

это не удивляет, кроме одной наивной идеалистки, которую две прожитые жизни так и не научили разбираться в людях.

Лицензированные артефакторы и алхимики нередко навевались в Квартал мастеров – и находили кого-нибудь для “черной работы”. По сути – мастера, уже создавшего что-то, что может стать успешным. Платили мастеру какие-то деньги. А потом доводили его изобретение до ума – скажем, с помощью магического контура убирали лишний шум и запахи, немного меняли форму, повышали безопасность. И патентовали. Таким образом нередко даже получали ученые степени. Или просто наживали состояния.

Никто не протестовал против такой системы. Для мастера-создателя куда лучше получить небольшие деньги, чем не получить ничего... а такие случаи тоже бывали.

Мне не доводилось сталкиваться с этой не слишком приглядной схемой хотя бы потому, что смысл она имела только для магов-практиков. Теоретики вроде меня всегда были сами по себе и считались немного не от мира сего. И, разумеется, никто эту схему не афишировал.

Все услышанное не укладывалось в голове. Я привыкла относиться к мастерам как к опасным недоучкам.

Я всегда знала, что большинство представителей старых семей – таких, как Морриши – отличаются некоторым снобизмом. Но не я! В числе студентов, и талантливых студентов, попадались юноши и девушки даже из крестьян, и я не делала для них отличий.

Пожалуй, некоторые предрассудки свойственны и академической среде, в которой я всегда вращалась. Разве может что-то дельное создать тот, кто не осилил даже базовый университетский курс!

...Выходит, я сама полна этих предрассудков – а из-за них всегда видела мир совсем не таким, каков он на самом деле. И ради этого понимания мне надо было прожить столько жизней и отчаяться найти верный путь!

– Дита, ну когда уже ты придешь! – из-за подола платья, надетого на один из манекенов, высунулась кудрявая русоволосая головка девочки лет семи. – Мне уже скучно!

– Агнешка! Я велела тебе не выходить в зал! – шикнула приказчица. – Видишь, у меня покупательница!

– Ничего страшного, – я как раз вышла из примерочной, чтобы отложить к уже и без того внушительной грудке своих будущих покупок еще одну блузу. Надеюсь, здесь удастся найти посыльного, чтобы доставить все это к моей квартире. – Она мне совсем не мешает.

– Извините, – девушка со вздохом обернулась к малышке. – Потерпи, твой брат обещал...

– Доран всегда обещает! – капризно протянула та. – А сам весь день где-то ходит!

Я замерла. Доран – вовсе не уникальное имя. И не могло же мне случайно настолько повезти? Я не очень-то доверяю случайностям.

Или могло? Один раз судьба уже столкнула нас практиче-

ски лбами, только я предпочла взять паузу.

А еще этот магазин одежды – пожалуй, ближайший к той улице в Большом городе, где мы столкнулись тогда.

Так может?..

– Ваша дочь? – я кивнула на девочку, стараясь выглядеть непринужденно.

Надо придумать предлог, чтобы задержаться здесь еще дольше...

– Нет, что вы, – приказчица покачала головой. – Она просто... – тут девушка чуть вздохнула. – Агнешка – сирота. У нее есть старший брат, но он много работает, и ему не с кем оставлять ребенка... я разрешаю иногда приводить девочку ко мне.

– Так это ваш собственный магазин? – догадалась я, и девушка с гордостью кивнула.

Надо же, она ведь, пожалуй, даже моложе меня – я была уверена, что это наемная работница.

– Да, я... уже почти выплатила кредит, и... неважно. Шью я тоже сама! И у меня даже есть помощницы. В мой магазин приходят со всего квартала, а иногда даже из Большого города!

Только сейчас я обратила внимание, что девушка при всей своей внешней беспечности и улыбочивости выглядит усталой, а под глазами ее залегли тени.

– Вы большая молодец! – я действительно так считала. Да, я всегда осуждала здешних мастеров с магическим даром – им ничто не мешало получить образование, а вместе с ним – и статус, и уважение в обществе. Но ведь и людям без дара надо как-то жить, а в немагических вузах даже нет стипендиальной программы. Словом – человек, который сумел чего-то добиться на своем месте, вызывал у меня уважение. – Дита... вы позволите так вас называть? Мне очень нравится одежда, которую вы шьете. И я не отказалась бы ввести новую моду в Большом городе. Но дело в том, что одеваться как хочу я могу только в свое свободное время. Как преподаватель я должна не нарушать приличий... по крайней мере, на первый взгляд. Возможно, подойдут, к примеру, очень широкие брюки?

Узкие, конечно, тоже пригодятся – для работы в лабораториях удобнее просто не придумать. Но тот фасон, что я помню из будущего, нужен мне прямо сейчас.

– Пожалуй... у меня найдется кое-что похожее. Вы подождете немного?

Я с готовностью согласилась, и Дита убежала куда-то в подсобное помещение.

А я тут же шагнула к девочке и присела перед ней на корточки.

– Тебя зовут Агнешка, верно?

Девочка посмотрела на меня и молча отвернулась, теребя в руках какую-то игрушку.

Я мысленно выругалась. Совершенно не умею общаться с детьми – опыта нет. Это ведь полагается делать как-то по-особенному, верно?

Так сложилось, что за две жизни и многие годы замужества я так и не стала матерью.

В первый раз – не хотела, хотя Марек предлагал. Точнее, хотела, но когда-нибудь позже, когда у меня будет на это время. Слишком много всего происходило, слишком увлекательно было жить, совсем не было времени делать паузы. Да и возраст вполне еще позволял – мне было только 37, когда я умерла в первый раз. Женщины-маги рожают и куда позже.

А во второй жизни... я очень хотела. Но что-то все не складывалось – сначала Марек считал, что слишком рано, потом... просто не получалось, хотя медикусы уверяли, что я здорова.

– А что это у тебя такое? – я указала на игрушку. – Можно посмотреть?

– Это мой магофон, – неохотно сообщила все-таки девочка. – Мне Дорин сделал!

То, что она сжимала в руке, пожалуй, все-таки было похоже скорее на неизвестный мне механизм, чем на игрушку: металлическая воронка с изогнутым раструбом, от основания которой тянулась тонкая проволока, уходящая куда-то за дверь. По краю раструб опоясывало незамкнутое кольцо.

А еще от этой штуки ощутимо веяло магией.

Артефактные гогглы я, как и большинство магов, носи-

ла не снимая сдвинутыми на макушку – никогда не знаешь, в какой момент понадобится рассмотреть незнакомое плетение или печать. Так что уже несколько секунд спустя я с изумлением рассматривала сложный магический контур на внутренней поверхности раструба.

Некоторые печати я даже узнавала – они были стандартными, из тех, что достаточно широко распространены в артефакторике. Вот, например, “сохранение” – применяется для хранения продуктов. А это – причудливо сплетенные с предыдущим контуры “передача” и “прием” – их используют в почтовых шкатулках. Только они почему-то не замкнуты – и, значит, не могут работать. А эта непонятная кривулина вообще ни на что не похожа. Может быть, мне просто недостает знаний в области артефакторики? Или это собственная разработка брата Агнешки?

– В него можно говорить, – снисходительно пояснила Агнешка и повернула кольцо на краю раструба. Теперь контур “передача” оказался замкнут. – Ди-и-ита! – практически провыла девочка прямо в раструб. – Ну где ты там!

После этого она тут же со щелчком повернула кольцо в обратную сторону – и теперь замкнут оказался контур “прием”.

В раструбе что-то грохотнуло – звук был такой, будто что-то упало за стенкой. Я вздрогнула.

– Уже иду! – приглушенный голос Диты раздался все из того же “магофона”, и я широко распахнула глаза.

Потрясающе! Выходит, прибор, по сути, капсулирует звук, сохраняет его и передает... я присмотрелась – так и есть. Проволока из зарелия – одного из немногих металлов, проводящих магическую энергию. Серебро вообще-то проводит еще лучше, но оно и дороже. Итак, сохраненный звук передается по проволоке. На другом конце которой должно быть такое же устройство... или почти такое же – судя по грохоту, Дита не подходила к “магофону”, и голос Агнешки стал для нее неожиданностью. Значит, контуры замыкаются только с одной стороны. И вроде бы все так просто... но какое остроумное решение!

Разумеется, прибор нуждается в доработке. Но даже в нынешнем виде он может стать настоящей сенсацией. Старые семьи наверняка не откажутся от возможности не звать прислугу простым колокольчиком, а сразу отдавать распоряжения. Да и многие матери, не имеющие возможности нанять ночную няню, будут рады, если смогут отходить от младенцев, но слышать, что с ними происходит.

А саму трубку стоит немного изменить. Разделить контуры приема и передачи – скажем, сделать два раструба в разные стороны, чтобы не приходилось постоянно переключать во время разговора. И трубки должны быть одинаковыми с обеих сторон – чтобы оба собеседника могли начать или прервать разговор. Тогда понадобится добавить еще какой-то сигнал вызова... дополнительный контур на внешней стороне раструба?

И еще эта проволока... неудобно. Конечно, можно проложить ее по всему дому. Но... а что если вообще обойтись без проводника? Если использовать мой принцип расщепления магических лент на самовоспроизводящиеся нити, то проволока станет ненужной. Мало того – тогда две части устройства могут быть на любом расстоянии друг от друга. Или даже не две? Да сколько угодно! Правда, я свои нити в этой жизни еще не явила миру, но ведь это только дело времени.

Голова закружилась от возможностей.

В личности брата Агнешки я больше не сомневалась. Может, Доринов на свете и много. Но два гения с таким именем на один квартал – это чересчур.

– Мне кажется, вот это должно вам подойти, – Дита вошла в торговый зал со стопкой какой-то одежды, но я, не отрываясь, с восторгом разглядывала магофон. – Кэри?

Я оглянулась на нее, не поднимаясь на ноги.

– Это гениально!

– Да, занятная игрушка, – девушка улыбнулась. – Дорин придумал ее, когда Агнешка была совсем маленькой, чтобы...

– Это необходимо запатентовать! – я даже признавала в этот миг, что невежлива, но ничего не могла с собой поделать – слишком была поглощена идеей.

– О, – хозяйка магазина поскущнела. – Дорин Сабо не продает свои изобретения. Я могу посоветовать вам другого мастера.

– Что? – вот тут я будто споткнулась на полном ходу. – Я и не собиралась...

...На самом деле – да. Собиралась. Но, разумеется, не “покупать” авторство изобретения и не присваивать его себе! Но да, мне было бы интересно доработать и усовершенствовать его – сделать из игрушки то, что облегчит жизнь множеству людей!

Надо придумать способ оформить патент на имя человека без магической лицензии... или заставить Дорина Сабо получить ее! Да это же просто преступно – при таких талантах растрачивать их вот так...

Зато – бинго! – это в самом деле именно тот человек, что мне нужен. О невероятности такого совпадения я поразмыслю позже. Сейчас есть дела поважнее.

...Ох. А ведь во второй моей жизни он, видимо, перестал свои таланты растрачивать. И дело закончилось плохо.

Впрочем, мои разработки тоже не довели до добра, здесь мой папа совершенно прав. Как и в том, что это не значит, что прогресс должен остановиться.

И именно в этот момент входная дверь магазина распахнулась.

Агнешка, мигом сунув мне в руку свой драгоценный магофон, с визгом кинулась к вошедшему.

Я медленно поднялась – ноги слегка затекли от сидения на корточках.

– Дита, я напишу вам адрес, чтобы отправить все мои по-

купки... да, это тоже, — даже если то, что она подобрала, мне не подойдет, я могу себе позволить лишнюю покупку — а владельце магазина деньги не будут лишними. — Ясного дня, кэр Сабо, — теперь я, выпрямившись, смотрела в разноцветные глаза мужчины. — Мне необходимо поговорить с вами.

— Э... кэри? — обескураженный моим напором мужчина вскинул брови. — Мы знакомы?

— Это неважно, — я нахмурилась.

— Какая решительная птичка! — Дорин Сабо, чуть наклонив голову к плечу, неожиданно приподнял один уголок губ. — Да ведь мы в самом деле встречались! Правда, от знакомства вы так же решительно увильнули.

— Она хочет купить магофон! — громким шепотом наябедничала Агнешка, запрокинув голову, чтобы видеть брата, и не переставая его обнимать. — А Дита ей сказала, как тебя зовут!

На лицо мужчины тут же набежала тень.

— Это не обсуждается. Я не продаю своих изобретений.

Знаю, слышала уже! И, кстати, понятно, почему ни в одном из вариантов прошлого-будущего магофоны так и не стали широко распространены.

Хотя... во второй версии этот человек стоял во главе министерского проекта. Значит, все же как-то получил лицензию? Или нет? Если да — на каких условиях? И почему сам не запатентовал хотя бы магофоны? Как узнать теперь, что тогда произошло?

Как же я проклинала сейчас себя-прошлую! Во второй жизни, добровольно отказавшись от своей работы и своей мечты, я намеренно не интересовалась ничем, связанным с новыми разработками и исследованиями. Не читала газетных статей, не общалась с бывшими коллегами, переводила тему в разговорах, как только они касались чего-то подобного. Я и о кэре Сабо узнала, можно сказать, случайно – и лишь потом запоздало поняла, над чем именно он работал.

Впрочем, какой смысл теперь жалеть... во второй жизни я была твердо уверена, что живу в последний раз. А значит – что мне больше нет нужды тщательно следить за происходящим в мире и запоминать все знаковые события. По привычке отмечала соответствия, когда с ними сталкивалась, – и на этом все.

Пока я с досадой размышляла о прошлом и будущем, Дорин Сабо прошел в зал, подошел к Дите, сжал ее протянутую ладонь, однако, не ограничившись этим, наклонился и прикоснулся губами к ее щеке. Я поспешно отвела глаза.

Надо же, я все-таки недооценивала вольность здешних нравов! Интересно, она ему хотя бы невеста или... впрочем, это не мое дело. Мое – заставить этого осла приносить миру пользу, а не гибель!

...Да как они все смеют вообще так обо мне думать! Я не давала ни единого повода!

– Я не намеревалась просить вас продать магофон! – возможно, это прозвучало излишне запальчиво, но в самом де-

ле! Подозревать меня в том, что меня самую до глубины души возмущает – это слишком! – Я считаю, что вы обязаны запатентовать его! Сами! Как вы смее пренебрегать такими разработками!

Я непроизвольно сжала кулаки и сделала шаг к Сабо.

Может быть, все дело в том, что размышления о прошлой жизни натолкнули меня на мысль, что тогда я сделала в точности то же самое – отказалась от своей работы. И никого из погибших от “черной паутины” это в итоге не спасло. Зато... разработки систем безопасности дирижаблей, конечно, продолжались и без меня – и их испытания тоже. И однажды случилась грандиозная катастрофа, в которой погибли сотни пассажиров. Их гибель была на моей совести. Я не сделала того, что должна была. Этот груз лежал на моей душе всю вторую жизнь – но я пыталась утешать себя тем, что иначе в итоге смертей было бы еще больше. Оказалось – нет.

И сейчас Дорин Сабо поступает так же. Магофон однажды позволит, скажем, вовремя вызвать доктора к больному – а значит, он тоже может спасти множество жизней. Что бы там ни произошло дальше с “черной паутиной”.

И еще это значит, что не дорабатывать магофон – попросту преступно!

– Где ты взяла эту сумасшедшую? – мужчина снова чуть наклонился к хозяйке магазина и доверительно слегка понизил голос – но недостаточно, чтобы я не слышала.

– Сама пришла, – девушка пожала плечами. В глазах у нее

плясали смешинки. – И скупила полмагазина. Не вздумай обижать мою лучшую клиентку!

– Ты уверена, что она сможет все это оплатить? – Сабо скептически покосился на груды моих покупок.

– Уверена! – Дита закатила глаза. – Можешь мне поверить, уж в платьях-то я разбираюсь. Одежда уважаемой кэри сшита на заказ у одного из этих зазнаек, которые дерут втридорога только за то, что живут в Большом городе и умеют ходить с очень важным видом. Простите, кэри, – теперь она обращалась ко мне. – Платье у вас... очень милое. Просто я могла бы сшить не хуже. И извините этого мужлана. Поверьте, у него доброе сердце, хотя воспитания и не хватает. Просто кто-то постоянно пытается выкупить его игрушки, так что Дорин сразу начинает свирепеть, как только речь заходит о них.

– Мне нет дела до его сердца, – я досадливо дернула плечом. – Только до блистательного ума. То, что вы называете “игрушками”, может просто изменить мир. Почему вы не желаете этого понять, кэр Сабо?

– А что вы предлагаете? – на этот раз он, кажется, действительно слегка рассердился – по крайней мере, разноцветные глаза гневно блеснули. – Ваши коллеги не раз делали мне свои... чудесные предложения.

– Да нет же! – захотелось даже топнуть ногой – я едва удержалась от этого нелепого жеста. – Я предлагаю вам самому...

– Милая кэри, – мужчина как-то устало вздохнул и пока-

чал головой. — Вы, наверное, и в единорогов верите? И в песочного человека, и в волшебные часы? Простите, у меня нет времени на эти глупости. Агнешка, нам пора. Дита, спасибо!

Взяв девочку за руку, мужчина шагнул к двери.

— Подождите! Вы не можете... я...

Я запнулась, сама не в силах определить, что именно хотела сказать. Я ведь искала именно этого человека, почти не надеялась найти, и ни о каком магофоне даже не подозревала. Хотя он мог бы стать неплохим предлогом, чтобы продолжить общение. Но что мне делать, если Сабо просто уйдет? Как же мое расследование несостоявшегося будущего?

Может быть, мастер бы прислушался к моим словам, скажи я, что знаю будущее. Вот только этого я сказать и не могу. Старые семьи не зря трепетно хранят свои тайны. О моем даре не узнал за все годы брака даже Марек — как и я не знаю, есть ли у него какой-то особенный дар. Такое вполне может быть — он тоже происходит из одной из старых семей. Но о даре принято рассказывать супругам только после рождения первенца.

Ни один дар не дает никому абсолютной защиты, и одновременно каждый из даров — слишком большое искушение для многих. Очень показательна, скажем, история семьи Ликаричей — у них был дар делиться жизненной силой. С его помощью можно было исцелить больного, отдав часть собственных сил. Потом они, конечно, восстанавливались. Ликаричи традиционно становились медикусами. И

один из них, чтобы получить должность лейб-медика, раскрыл правившему тогда королю Гориславу Пятому семейный секрет. Дело кончилось плохо – однажды наследник престола тяжело заболел, и медика заставили отдать ему свои силы... без остатка. За лечение смертельной болезни можно было заплатить только смертью. А после не поздоровилось и остальным Ликаричам – когда сам государь состарился и не пожелал уходить за грань. Он призвал всех, кто мог быть носителем дара, – и приказал отдать все, что они могли. Ослушаться приказа означало государственную измену... теперь семьи Ликаричей больше нет. А государь Горислав все равно умер в свой срок – старость вылечить невозможно.

Использовать дар нашей семьи – куда сложнее для постороннего, но это все-таки возможно сделать. Или как минимум попытаться – и невозможно предсказать, во что такая попытка обойдется Морришам.

Нет, я не могу раскрыть семейную тайну незнакомцу. Да он, пожалуй, и не поверил бы, сделай я это – все знают, как старые семьи берегут свои секреты.

– Светлого пути, кэри! – мастер безукоризненно вежливо кивнул поочередно мне и Дите, прежде чем выйти из магазина.

Я снова непроизвольно сжала кулаки. И тут же разжала их. Ну хорошо... мне в любом случае пора в университет – лекцию у первокурсников никто не отменит. Но разговор мы

не закончили. И пусть я наивная дурочка, верящая в единогого и песочного человека. Зато теперь я знаю, как найти мастера Дорина Сабо. Мне просто нужно чуть лучше подготовиться к этому разговору – чтобы точно понимать, что предлагаю. Разобраться вместе с папой в патентном праве, покопаться в кое-каких законах. Никуда он от меня теперь не денется. Я сделаю предложение, от которого он отказаться не сможет. А уж тогда – можно, ничего не объясняя, выяснить, с кем могли быть связаны он и я в разных временных линиях.

Никогда не умела прежде интриговать и манипулировать людьми... но, кажется, самое время учиться.

А пока – меня ждут мои первокурсники и моя любимая лаборатория. По крайней мере, дирижабль в этот раз не упадет. Об этом я позабочусь.

Глава шестая

Отыскать кэб на этот раз удалось не сразу – было ощущение, что в Квартале мастеров люди просто не передвигаются на нормальных экипажах. И вдобавок словно пытаются перещеголять друг друга по нелепости своих повозок. Правда, теперь я присматривалась к ним уже совсем иначе – что если один из этих механических уродцев на самом деле окажется очередным гениальным изобретением?

Так или иначе, мне пришлось пройти пешком до самой арки, означающей границу квартала. Арку – как и все прочие арки на других улицах – ничто, разумеется, не перегораживало, но сразу за ней будто начинался другой мир. Знакомый, привычный мне мир.

Устроившись наконец в экипаже, я продолжала размышлять о случайностях и закономерностях. Вот, к примеру, прадед Матеуш в своих записках предполагал, что люди, связанные значимыми судьбоносными событиями, притягиваются друг к другу во всех временных линиях – будто их личные ветки переплетены заранее, а само время восстанавливает себя, порой даже ускоряясь. Поэтому в числе прочего я и не сомневаюсь, что нам с Марексом никуда друг от друга не деться. Во второй жизни мы поженились даже раньше, чем в первой.

Но с Дорином Сабо моя судьба не была связана ни в одной из прошлых жизней – зато нас объединяет одна на две временные линии чудовищная катастрофа. И в этой жизни я уже во второй раз буквально сталкиваюсь с ним. Что это – действительно нагромождение случайностей или очередная закономерность временной петли?

Так ни до чего и не додумавшись, попросила извозчика остановиться у въезда в академгородок.

К своей аудитории шла, нервно оглядываясь – почему-то казалось, что Марек может подстеречь за любым углом, чтобы рассказать, как недопустимо я себя веду.

...На самом деле такую привычку он завел куда позже – и только во второй жизни.

А сейчас, конечно, у него есть дела и поинтереснее. Это теоретические занятия он может прогуливать, но ни за что не пропустит боевку, а она всегда в его расписании во второй половине учебного дня.

Аудиторию тоже оглядывала настороженно, однако на этот раз обошлось без сюрпризов. Слава небу, это не открытая лекция. Первокурсники, насколько можно судить, в том же составе, в каком должны – многие лица я помню, хотя сами эти ребята меня еще не знают. Да и почти все имена стерлись из памяти за двадцать лет второй жизни. У этой группы первой лекции по введению в специальность еще не было – так что будем знакомиться заново.

Кое-кто изумленно вскинул головы, когда я прошла к ка-

федре – не ожидали настолько молодого преподавателя.

Гомон все не утихал, и перекрикивать его я не стала. Зато, наклонившись, извлекла из-под кафедры и водрузила на столешницу свои наглядные пособия – большие, чтобы с задних рядов было видно, катушки с широкими лентами.

Я никогда не была блистательным преподавателем – мне всегда было сложно находить контакт с аудиторией. Мне куда интереснее было среди своих формул и расчетов. Увы, для получения ученой степени в области теории магии педагогическая практика необходима – и я покорно ее нарабатывала. А дорогие коллеги охотно сбрасывали на меня как младшую самую рутинную или бессмысленную работу – вроде вводных курсов и открытых лекций.

Вдобавок во второй жизни я, пожалуй... вообще отвыкла разговаривать с незнакомыми людьми. Так вышло.

И тем не менее, несмотря ни на что – сейчас я даже испытывала какой-то кураж. Первая открытая лекция и реакция аудитории вдохновили меня. Я изменилась. И в конце концов... кто действительно может рассказать о теории магии лучше того, кто в эту специализацию по-настоящему влюблен?

Мой курс – вводный, большую часть информации, которую я даю, мои студенты давным-давно знают, иначе не поступили бы. Осталось только упорядочить и систематизировать ее. А для этого нет ничего лучше наглядной демонстрации.

Когда-то я сама придумала эту аналогию, отлично запоминающуюся и застревающую в голове. А потом она же и натолкнула меня на идею, в конечном счете перевернувшую все представления о магии.

Гул постепенно стихал – первокурсники разглядывали меня и бобины с лентами.

– Ясного дня, кэры студенты! – я улыбнулась всем сразу. – Меня зовут кэри Петреска Морриш, и я буду рассказывать вам об основах теоретической магии. Если вы пришли на этот факультет, значит, хотите не просто пользоваться магией, но понимать, как она работает...

На самом деле это не всегда было так – некоторым просто не хватило резерва для поступления на какой-то другой факультет, а терять целый год не хотелось. На втором-третьем курсе они или отчислятся, или сумеют все же раскатать резерв и перевестись. Но я обращалась к тем, кто пришел в теорию осознанно, зная, чего действительно хочет, – к своим будущим коллегам.

– Уверена, многие из вас уже сталкивались с мнением, что теоретики – это неудачники, которым не хватило сил ни на что большее. А кое-кто, возможно, и сам так считает. Так вот, должна сказать вам, мы на теоретическом факультете видим ситуацию иначе. Все, с чем работают маги-практики, сначала придумали теоретики. Вам хватило мозгов, чтобы поступить на теорию, а это значит куда больше.

В аудитории послышались смешки, и я мысленно себя по-

здравила.

– Итак... давайте разберемся, что такое магия?

Я сделала паузу, вопросительно глядя на первокурсников.

– Сила! – громко объявил какой-то парень.

– Энергия, – качнула головой девушка рядом с ним.

Я кивнула обоим.

– Большинство людей воспринимают магию именно как энергию или силу. Однако, как вы думаете, почему она может работать и как физическое тело? Скажем, просто переставить предмет с места на место. Все дело в том, что в реальности магия – это, по сути, не собственно энергия, а скорее энергетическая субстанция, недоступная обычному человеческому зрению. Причем самовоспроизводящаяся и присутствующая везде – в том числе в пространстве вокруг нас. Существует она преимущественно в разреженном виде. Однако есть и точки концентрации этой субстанции, и способы ее передачи. Маги – это люди, в которых есть такие точки концентрации. Магические источники. Источник есть у каждого из вас. Расскажите мне, как вы ощущаете или представляете свой источник и свою магию? – я обвела аудиторию взглядом. – Смелее, господа!

Студенты переглядывались, пожимая плечами. Наконец девушка в очках, сидевшая на первом ряду, неуверенно подняла руку. Я поощрительно кивнула, и она поднялась с места.

– Ну... я представляю такое... солнышко. Вот здесь, – она

прижала ладонь к солнечному сплетению. – Очень маленькое солнышко. С короткими лучами.

Я кивнула, и студентка опустила на свое место. Ее лицо показалось мне знакомым. Касажина... нет, фамилию не помню. Кажется, она с отличием окончит курс... а потом переведется на алхимический. Жаль, девочка перспективная.

– Благодарю. Кто-то еще?

– Лучи – ерунда, – не вставая, протянул светловолосый парень с заднего ряда. – Как ты лучом контур замыкать будешь? Луч же прямой!

– А как представляете свою магию вы? – я смерила говорившего заинтересованным взглядом. – Встаньте, прошу вас!

– Осьминог! – гордо сообщил он, поднявшись с самым независимым видом. – И щупальца! Щупальцами можно манипулировать!

Я хмыкнула. Визуализировать свой источник в любом виде – первое упражнение, которому учат маленьких магов, и иногда образы оказываются довольно причудливыми. Занятно, что магическая “лента” – ну или “щупальце” обычно одно, за крайне редкими исключениями. Своего рода дополнительная конечность. Но при этом большинство магов воображают свой источник чем-то этаким многоруким.

– Лучи хотя бы можно нарастить, – негромко протянула девушка в очках, полуобернувшись, но не глядя на парня с заднего ряда. – А у осьминога уж что выросло, то выросло...

Улыбку я сдержала и хлопнула в ладони, останавливая готовую начаться перепалку.

– Превосходно! Спасибо! Каждый маг может видеть и представлять свой источник по-своему, хотя в реальности отличаются они только объемом. Я всегда представляла источник как катушку, на которую намотана лента. Примерно вот такую, – я указала на свои наглядные пособия. – Как видите, здесь у нас две совершенно одинаковые бобины, на которые намотаны ленты разной длины. Вот это у нас источник сильного мага. Может быть, даже боевика. Видите, какой пузатый и важный? А этот поджарый источник, скорее всего, принадлежит нашему с вами коллеге – теоретику. Ну в крайнем случае – артефактору.

Студенты захихикали. Обычно тема невеликого резерва для слабых магов была довольно болезненна. Хуже всех приходилось слабосилкам, родившимся, как я, в старых семьях. Мне-то повезло, у меня самые лучшие родители на свете, которые не делали из этого проблемы. А еще думать, изучать, исследовать, узнавать что-то новое мне всегда было интереснее, чем решать практические задачи. Так что судьба стать теоретиком была для меня не только неизбежной, но и желанной.

А вот, к примеру, младшему брату Марека так не повезло. Когда слабосилок рождается не просто в одной из старых семей, а в роду потомственных военных, боевых магов – ему в самом деле не позавидуешь...

Вот поэтому я всегда на своих лекциях говорила о разнице резервов открыто, подчеркивая, как мало значения она имеет. И никогда не скрывала свой собственный минимальный резерв.

– Этой лентой маг оперирует, решая свои задачи. – Я потянулась к меньшей бобине собственной магией, и лента начала разматываться. – Нет-нет, гогглы не используем, сейчас смотрим только обычным зрением, не нужно отвлекаться на мою реальную магию. Вообразите, что магический поток – вот эта самая лента. С ее помощью можно сделать практически что угодно – вопрос только в том, сколько полезных контуров вы помните и на какие из них хватит длины вашей ленты.

Лента, отматываясь с бобины, поочередно свернулась в воздухе в печати “огонь”, “вода”, “движение” – то, что с детства знакомо каждому магу, даже слабосилку. Маг, по сути, выкладывает нужный узор “лентой” своей силы.

– Для того, чтобы зажечь свечу, используется тот же знак, что и для создания огнешара и даже огненной стены. Разница только в размере знака и ограничителях, которыми мы его окружим, – а значит, и в длине ленты, которая на это уйдет. Когда мы соединяем два знака – скажем, “вода” и “движение”, чтобы сформировать поток воды, нам нужно еще больше ленты. А чтобы заключить магию в предмет, то есть создать артефакт, работающий автономно, мы должны эти знаки еще и замкнуть контуром.

Обратите внимание, что обе ленты, – тут я вытянула в воздух ленту со второй бобины, – у нас одинаковой ширины и цвета. Различаются они только длиной. Сама по себе магия одинаковая у всех, независимо от того, какое направление работы выбрал для себя маг. Сила, которую прикладывает маг для любого воздействия, не зависит от резерва. Сами “ленты” абсолютно одинаковые – у боевика и теоретика. У второго она просто закончится раньше. Они ничем не отличаются у анималиста, алхимика и артефактора – разница только в символах и контурах, которые они “вывязывают” своими “лентами”. Когда мы совершаем магическое воздействие, мы делаем так, – быстрым жестом я “нитью” своей магии перерезала ленту, и вывязанный ей знак остался висеть в воздухе. – Как видите, при этом ленты на бобине стало меньше. Однако резерв при этом не уменьшается. Кто-нибудь знает, почему?

– Так резерв заново наполняется! – выкрикнул, не вставая, блондин с задней парты.

– Совершенно верно! Но почему и как? Откуда берется новая энергия, заново наполняющая резерв?

В аудитории повисла тишина.

– Из воздуха? – наконец неуверенно, на этот раз не поднимая руки, предположила все та же девушка в очках. – Раз магическая энергия повсюду... она и заполняет резерв заново.

– Именно! Благодарю вас! – я улыбнулась ей. – Частицы

энергетической субстанции, о которой мы с вами говорим, способны притягиваться. Магический источник – не только точка концентрации, но и точка притяжения. Своего рода магнит. Он притягивает частицы из окружающего мира до восполнения исходного объема. Кстати, поэтому резерв может с разной скоростью восстанавливаться в зависимости от места – бывают места с более или менее высокой концентрацией магического поля. Скажем, в университете фон высокий, поэтому здесь маги быстро восстанавливаются. Как думаете, почему здесь такой плотный фон?

– Из-за развеивающихся учебных чар?

– Умница! Касажина, верно?

– Касажина Вилларчик, – робея, отозвалась девушка и поправила очки.

– Вы совершенно правы, кэри Вилларчик. Любое заклинание постепенно развеивается – и частицы магической субстанции пополняют общий окружающий фон. Чтобы этого не произошло, в артефактах символы-заклинания заключаются в замкнутые контуры, где энергия ходит по кругу. Постепенно они тоже рассеиваются, но это происходит значительно медленнее, и артефакты можно подзаряжать – если не давать им разрядиться полностью. Собственно, это утверждение верно не только для артефактов... у большинства из присутствующих здесь небольшой резерв. Примерно такой, – я указала на меньшую бобину. И большинство из вас при желании и усердии вполне сможет его значительно увели-

чить. Такой рост – особенно поначалу, особенно когда все получается! – может опьянять. Но хочу вас предостеречь. – Я вытянула из бобины ленту, чтобы “нарисовать” в воздухе еще один знак огня – побольше. На самый кончик ленты не хватило. Я показательно поморщилась, подергала ее – а потом рванула изо всех сил. Лента с треском оторвалась, оставив бобину пустой. – Никогда не делайте так. Не стоит проверять границы своих возможностей, переходя через эти границы. Как только резерв опустел досуха – источник перестал быть магнитом. Это выгорание. Если лента сама оборвалась – вы больше не маг.

– Но почему так часто выгорают боевики? – подал голос темноволосый молодой человек рядом с Касажиной. – У них лента длинная...

Я не без труда удержала рвущееся с языка честное “потому что идиоты”.

– Потому что не учат теорию, – корректно переформулировала я. – И пренебрегают техникой безопасности.

– Вы так говорите, – насмешливо протянул блондин с заднего ряда, – как будто быть теоретиком лучше, чем боевиком.

– Так оно и есть, – не моргнув глазом объявила я. И тут же приложила палец к губам, – только тс-с-с! Мы им не станем говорить. А то ведь захотят тоже!

После лекции я планировала наконец заняться своим исследованием. Это я знаю, что моя более чем смелая гипотеза подтвердится – и в расчетах, и экспериментально. Но для того, чтобы в нее поверил мир, эти самые расчеты и эксперименты предстоит еще провести. Сама себя она не докажет.

Однако пропущенный обед напомнил о себе неприятным сосущим чувством, и вместо библиотеки или лабораторий пришлось направиться в кафе напротив ворот в академгородок.

...А может, попросить у кэра Вуйчика лаборанта? Конечно, нормального лаборанта с кафедры мне никто не даст, но мне, пожалуй, сгодятся и проштрафившиеся студенты на отработке. Они не сделают за меня расчеты, но вот запланированную серию экспериментов вполне могут провести и штрафники. Даже если они окажутся совсем уж криворукими, это не столь важно – я доверю им только заведомо провальные опыты, результаты которых ни на что не повлияют. Но провести их все равно придется для полноты доказательной базы.

Я так погрузилась в свои мысли, что табличку на входе в кафе заметила только тогда, когда едва не ткнулась в нее носом. Закрыто.

Утром же было еще открыто – я в нем завтракала! И... странно. Я не припомню, чтобы кафе в моем доме вообще когда-нибудь закрывалось. Или эта информация просто стерлась из памяти за ненадобностью – ведь столько лет про-

шло?

Но оно было открыто даже тогда, когда... ох.

Я перевела взгляд на чуть покосившуюся вывеску над входом. А потом – на не замеченную мной сразу деревянную приставную лестницу, прислоненную к стене чуть в стороне.

Дом, мансарду которого я снимала, принадлежал немолодой супружеской чете. Они же держали и кафе на первом этаже.

В первой жизни в конце первого учебного месяца года, когда я начала работать над диссертацией, я, как обычно, пришла рассчитывать за квартиру. И, как обычно, вежливо справилась у кэри Бораш о здоровье ее супруга. И она как-то отстраненно сообщила, что кэр Бораш скончался несколько недель назад. Полез поправить вывеску над входом, осту-
пился на лестнице и упал. Очень неудачно.

Кафе даже тогда оставалось открыто – просто суетились в нем наемные работницы. Вдова проживала свое горе, никому его не показывая.

Во второй жизни... воспоминание вдруг обожгло стыдом.

В свое оправдание могу сказать лишь, что была тогда абсолютно раздавлена чувством вины. Не могла думать ни о чем другом, буквально сходя с ума. В первые дни вообще не выходила из своей квартиры, запершись в ней. И о несчастной судьбе кэра Бораша узнала так же запоздало, даже не уточнив точной даты.

...Из квартиры меня тогда в итоге буквально вытащил

Марек. А потом...

Я все-таки прожила ту жизнь практически взаперти. Плохая из меня вышла жена и домохозяйка. Наверное, поэтому и разладились наши отношения.

А в этой жизни... кажется, я снова виновата. На этот раз – просто потому что слишком сосредоточилась на “главном”. Совсем забыв про милого, ничем не примечательного кэра Бораша.

Не отводя взгляда от проклятой лестницы, я попятилась. Нет. Я не виновата. Я не могла помнить все, просто не могла. Нельзя взваливать на себя вину за все смерти этого мира – этим путем я уже ходила.

Это кажется, что, вернувшись в прошлое, ты сможешь вообще не совершать ошибок. Будешь точно знать, когда взять зонт, потому что пойдет дождь.

На самом деле большинство ежедневных мелочей забывается – даже неприятных, даже порой болезненных. И даже в моей семье, где каждый знает, что может однажды вернуться, никто не запоминает досконально каждый прожитый день – это невыполнимо. Забываются подробности и значимых событий, не коснувшихся тебя лично.

И предотвратить беду с другим человеком тоже не всегда возможно – потому что для этого придется не только хранить в памяти точную дату и время, но и выяснить и запомнить все обстоятельства.

Возможно, кто-то сказал бы, что лучше бы мы заучивали

не результаты ежегодных Больших скачек, а даты всех самоубийств и несчастных случаев, о которых приходится слышать.

Вот только нет никаких гарантий, что эта информация пригодится – а прожить всю жизнь, без конца повторяя про себя клички лошадей, куда легче, чем список мертвых. По крайней мере, собственный здравый рассудок при этом не потеряешь.

– Извиняйте уж, кэри Петра! Виноват. Это старая моя все – закроемся да закроемся, ничего за пару дней простоя и не будет, а к поставщику пусть Михал едет, ну и что, что он только завтра...

Не веря себе, я обернулась. За моей спиной стоял кэр Бораш собственной пузатой кряжистой персоной – живой и невредимый. Хотя... нет, не совсем невредимый. Обеими руками кэр Бораш тяжело опирался на трость, которой я не могла припомнить.

– Ясного дня, – пробормотала я. Неужели... это еще только должно произойти сегодня? Ведь лестница, вывеска... – А что случилось?

– Да вот, – старик указал подбородком на вывеску, – поправить хотел. А тут выюнош этот... а вы и знаете его, поди, все за вами бежал. Вы ж ушли с утра, а я как раз вышел вот поправить. А тут выюнош. Студентик вроде как. Подскочил да как давай руками махать! Про вас что-то выспрашивал, стало быть. Ну и... не то он задел, не то я сам, дурак ста-

рый, повернулся – да и навернулся. И напрямик на व्यюноша! Мне-то чего. Ногу вон подвернул только. А этому бедолажному, стало быть, досталось – вешу-то я, пожалуй что, и поболя него... дык все, что непосильным трудом наедено! – он гордо похлопал себя по и впрямь довольно выдающемуся животу. – Помял я его изрядно, стало быть. Думал, вообще раздавлю! Ну да вроде на своих двоих ушел, и слава небу. Крепкий нынче студент пошел. А я лежу, значит, и встать не могу. Нога! Ну и старая моя тут как выскочит, как поднимет хай! Доктора сразу звать, куда там! И вот. Я жеж к поставщику должен был ехать потом, на кухне яйца заканчиваются, масло... говорю ей, чего суетишься, вон и доктор сказал, через пару дней огурцом буду. Можно, стало быть, и съездить, авось уж нога не отвалится. А она – ни в какую. Вообще кафе закрыть пока решила. И вот. Запереть меня совсем хотела!

Я почувствовала, как слабеют колени, а по лицу расплывается облегченная улыбка. Все хорошо! Все просто удивительно, потрясающе хорошо!

Ну, разве что Марек заработал пару синяков, но это для боевика дело привычное.

– У вас замечательная жена, кэр Бораш. А вывеска... вызовите лучше мастера. Или вон Михалу поручите. И берегите себя!

Ни о чем не думая, я сделала несколько шагов от кафе. В столовую идти не хотелось. Может быть, булочная за углом?..

Принять решение я не успела. Потому что сквозь решетку

ворот, ведущих в академгородок, увидела то, чего там никак, абсолютно никак не могло быть.

Прежде всего – облако пыли, стремительно несущееся на ворота.

И лишь потом я заметила тех, кто эту пыль поднял. Конни... много коней.

Нет. Это впереди несется белый конь – и за ним, чуть отстав, еще один. А за ними... черный бык с белым пятном на лбу, реликтовая виверна, олень... небо, носорог!

На краю сознания мелькнуло воспоминание – зверинец факультета анималистики! Носорог и виверна там точно были, вот откуда они взялись...

Но они никогда не вырывались на свободу и не носились по академгородку! Этого не было раньше! Этого не должно быть!

Ноги будто приросли к брусчатке. Я по-прежнему стояла, оцепенев, напротив ворот – когда ворота с грохотом рухнули прямо мне под ноги. Конского ржания за этим грохотом было почти не слышно.

Зато я невыносимо-ясно видела теперь вспененные бока вставшего на дыбы коня.

И его копыта над моей головой.

Этого не было.

Этого не должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.